

ЖИЗНЬ ДЛЯ ВЕНГРИИ

М Е М У А Р Ы

АДМИРАЛ
МИКЛОШ ХОРТИ

РЕГЕНТ ВЕНГРИИ 1920—1944

Миклош Хорти

**Жизнь для Венгрии.
Адмирал Миклош Хорти.
Мемуары. 1920—1944**

«Центрполиграф»

1953

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Хорти М.

Жизнь для Венгрии. Адмирал Миклош Хорти. Мемуары. 1920—1944 / М. Хорти — «Центрполиграф», 1953

ISBN 978-5-9524-5616-7

Адмирал Николас Хорти занимал пост регента Королевства Венгрия с 1 марта 1920 года по 15 октября 1944 года. Исполняя обязанности регента, Хорти пытался проводить политику восстановления Венгрии в ее прежних, до крушения Австро-Венгерской империи границах. Эта политика, в конечном счете, привела его к союзу с Гитлером. В результате Венгрия вернула себе часть своих исконных земель в Сербии, Хорватии, Словакии и Румынии. Но за это надо было платить, и венгерские соединения отправились на Восточный фронт, где понесли значительные потери. Вскоре Хорти понял неотвратимость поражения войск стран «оси» и начал тайные переговоры с союзниками. Однако вывести страну из войны ему не удалось. Война закончилась для Венгрии только с приходом советских войск, которые Хорти считал врагами и оккупантами. Мемуары Хорти – это рассказ регента королевства без короля и адмирала без флота о своей жизни и о том, как он вел борьбу за свою страну в господствовавшей в Европе атмосфере конфликтов, зависти и ненависти. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-9524-5616-7

© Хорти М., 1953
© Центрполиграф, 1953

Содержание

Предисловие	7
От автора	10
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Адмирал Хорти Миклош Мемуары. 1920—1944

ADMIRAL NICHOLAS HORTHY
REGENT OF HUNGARY
A LIFE FOR HUNGARY MEMOIRS

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Миклош Хорти войдет в европейскую историю XX в. как властный правитель небольшого государства, который оказался бессилием предотвратить поглощение своей страны сначала нацистской Германией, а затем коммунистами СССР. Его неудача объяснялась не его слабостью, ошибками и якобы несостоятельной политикой, но тем простым фактом, что соотношение сил было явно не в его пользу: 1 венгр противостоял 10 немцам и 20 русским (примерное соотношение населения Венгрии, Германии и СССР). К тому же Германия и Россия рассматривали оккупацию Венгрии как неперемненное условие своего собственного возвышения. Для активного противостояния любому агрессору Венгрия имела не больше шансов, чем загнанный олень, окруженный стаей волков.

Я видел Хорти время от времени, когда он был регентом Венгрии, а я посланником США в этой стране. Это было в 1930–1933 гг. У него был облик типичного моряка с обветренным загорелым лицом, невысокого роста, крепко сложенного и энергичного. Его можно было принять за британского адмирала в отставке. Честность и смелость Хорти были поразительны, как и его преданность долгу. В отличие от других «сильных личностей», он был начисто лишен тщеславия, честолюбия и эгоизма. Он не стремился к высоким постам, на которые был поставлен. Скорее он соглашался принять их в страстной надежде послужить тем самым своей стране, которую так сильно любил. Он гордился своим званием регента и педантично следовал правилам этикета. Однако вкусы его были просты, он был вежлив и внимателен к окружающим. В своей работе ему приходилось тщательно соблюдать множество формальностей, и единственной возможностью отдохнуть от дел было уехать на время в деревню, поохотиться на кабанов и оленей, настрелять мелкой дичи. Его энергии в естественной обстановке на лоне природы мог позавидовать любой юноша, а его искусство обращаться с винтовкой и охотничьим ружьем делало его одним из лучших стрелков в стране, для каждого гражданина которой спортивная стрельба стала почти профессией.

Хорти исполнился 41 год, когда в 1909 г. престарелый австрийский император Франц-Иосиф I назначил его своим адъютантом. Так между будущим адмиралом и императором, давно пережившим свою эпоху, страшно далекую от нас, началось тесное общение. Франц-Иосиф I в юности знал князя Меттерниха, организатора Венского конгресса, состоявшегося зимой 1814/15 г., последовательного врага либерализма в Европе. Меттерних был вынужден подать в отставку с поста имперского канцлера незадолго до коронации императора Франца-Иосифа I в декабре 1848 г. Когда Хорти начал службу при дворе, Франц-Иосиф I уже стал легендарной личностью, занимая трон в течение более 60 лет. Император был авторитарным правителем, управлял своими придворными и семейством с ригористичным формализмом. Это был бюрократ с выдающейся работоспособностью и к тому же большой джентльмен. Адмирал неоднократно говорил мне о том восхищении, уважении и симпатии, которые он испытывал в отношении к этому старому человеку. И это не было преклонением 20-летнего юноши перед героем, но взвешенная оценка 40-летним человеком своего работодателя, все еще бодрого и энергичного, хотя и в 80-летнем возрасте. Надо отдать должное как влиятельности Франца-Иосифа, так и рассудительности Хорти. Адмирал, став регентом Венгрии, сталкиваясь со сложными государственными проблемами, всегда спрашивал себя, какие шаги принял бы старый император, окажись он в подобной ситуации.

Адмиралу Хорти выпало жить в самое революционное столетие мировой истории. Его военная подготовка как морского кадета проходила в эпоху парового флота. Европа почти ничего не знала об электрическом освещении, когда он заканчивал учебу в морском училище. Турки все еще контролировали отдельные области Балканского полуострова. Реализация честолюбивых планов России установить господство над всеми славянскими народами

вызывала большие сомнения. Имевшее недавно место объединение Италии было воспринято австрийцами и венграми как открытый вызов европейской реальности. Господство Пруссии во вновь созданной Германской империи было воспринято отрицательно, в частности австрийцами. Они смотрели на пруссаков как на невоспитанных и самоуверенных личностей, которые узурпировали положение лидера немецкой культуры, издавна заслуженно принадлежавшее австрийцам. Что же касается США, то для европейских правителей это была страна, населенная жадными до денег и необразованными иммигрантами из Европы. Это государство не играло никакой роли в мировых делах.

Однако прошло не так уж много времени, и американский президент Вудро Вильсон отправил в 1917–1918 гг. миллионы американских солдат для поддержки союзников в войне против Германии и Австро-Венгрии и провозгласил принцип самоопределения наций, который ускорил распад Австро-Венгерской империи, что привело к отречению Карла, наследника Франца-Иосифа и последнего из императоров Габсбургов (правил в 1916–1918 гг.). Миклош Хорти, будучи главнокомандующим военно-морским флотом Австро-Венгрии, испытал небывалое унижение, выполняя приказ короля Карла¹ о безусловной капитуляции имперского флота перед югославами. Сама немецкоговорящая Австрия была провозглашена республикой. Области, которые остались от Венгрии, под управлением венгерского графа М. Карольи (Каройи), окружение которого считало его человеком слабым и неуравновешенным, провозгласили свою независимость. Вначале правительство состояло из социалистов, но вскоре оно было захвачено коммунистами. В России на смену царизму пришел марксизм. Страдавший манией величия кайзер Вильгельм II бежал в Голландию и занялся заготовкой дров в своем скромном убежище в Дорне. Вскоре появился еще один деятель, страдавший манией величия, на этот раз австриец по рождению Адольф Гитлер, который, поддержанный одним из великих военачальников Германии Людендорфом, предпринял попытку (на этот раз неудачную) захватить власть в Германии и объединить все немецкие земли. Людендорфа вскоре объявили сумасшедшим и упрятали под замок. Десять лет спустя, в 1933 г., Гитлер стал фюрером «вечного» Германского рейха, который просуществовал всего лишь десять (12. – *Ред.*) лет.

На протяжении более двух десятилетий, что последовали за перемирием 1918 г., автор этих мемуаров олицетворял собой здравомыслие, порядок и стабильность в больной, пребывавшей в хаосе Европе. Возглавив борьбу с революционным движением в Венгрии, еще до того, как он был избран регентом в 1920 г., вместе со своими соратниками Хорти освободил страну от коммунистов, но тем самым навлек на себя ненависть левых политиков в самой Венгрии и вне ее. Исполняя обязанности регента, он пытался проводить политику восстановления Венгрии в ее прежних, до крушения Австро-Венгерской империи, границах. Эта политика, хотя и поддержанная венграми, противоречила национальным устремлениям всех других народов и была обречена на провал. В последние годы большинство приверженцев Габсбургов и многие представители земельной аристократии Венгрии считали, что этот сторонник *ancien regime* является «опасным» либералом, и его подозревали в намерении установить вместо Габсбургской династии династию Хорти. Роялисты никогда не простили ему, что он дважды пресек попытки экс-короля Карла вернуть себе венгерский трон, попытки, которые, осуществись они, привели бы к вторжению в Венгрию соседних государств и ее оккупации. Слова, вложенные Шекспиром в уста Брута на погребении Цезаря, можно было легко перефразировать: «Не то чтобы Хорти любил Карла меньше, но все же Венгрию любил больше». Когда 20 лет спустя регент Хорти оказался в одних рядах с Гитлером, это произошло потому, что ему противостояла сила, которую он не мог ни смирить, ни сопротивляться ей. Чего внешний мир не понимал, так это того, что ненависть Гитлера к независимости и бесстрашию Хорти была одной из

¹ Император Австро-Венгрии Карл I одновременно был королем Венгрии в составе двуединой Австро-Венгрии под именем Карл IV. (Здесь и далее примеч. ред.)

причин, почему фюрер установил контроль над Венгрией и в действительности сделал регента своим заложником.

В последний раз я видел адмирала перед возвращением в США в 1933 г. Он говорил с чувством глубокого убеждения, что Россия является величайшей угрозой не только для Венгрии, но и для всего западного мира. На протяжении многих лет его беспокоил этот факт до такой степени, что члены дипломатических корпусов в Будапеште в 1930-х гг. считали это его фобией. События доказали, что его опасения оправдались. Действительно, именно нацисты направили Венгрию по гибельному пути. Но именно русские сокрушили дух венгерского народа и ввергли венгров в дофеодальную бедность. Предсказания регента Венгрии сбылись, но он не смог убедить ни британских, ни американских лидеров, что коммунистическая Россия была более хищной и алчной державой, чем царская Россия, и что было глупостью верить, что, если к России относиться как к дружественному союзнику, эта страна отплатит добром.

Если какой-либо из критиков адмирала Хорти продолжает сомневаться в его ясном уме и здравом смысле, то пусть он прочтет эту книгу. Написанная простым и ясным языком, она представляет собой увлекательное повествование о жизни благородного человека, который вел безнадежную, но отважную борьбу за спасение своей страны в атмосфере конфликтов, зависти и ненависти, господствовавшей в Восточной Европе, в результате чего разразилась Первая мировая война. Он был скорее консерватором, чем консервативным деятелем, традиционалистом, а не фашистом, человеком практичным, а не идеалистом. Он восстановил бы старый порядок, имей он возможность сделать это. Вместо этого Хорти увидел, как железный занавес опустился над его любимой Венгрией. И он удалился в Португалию. Его влияние, неизменное и постоянное, подобное влиянию Дж. Вашингтона, коренилось больше в сильном характере, чем в блестящем интеллекте. Люди могли не соглашаться с ним, но даже враги уважали его. Они могли сомневаться в суждениях Хорти, но никто не оспаривал его цельность и прямоту.

Н. Рузвельт

Биг-Сур, Калифорния

От автора

Дважды, и всякий раз без малейшего с моей стороны стремления, меня назначали на руководящие должности. В конце Первой мировой войны его величество император Карл I назначил меня главнокомандующим военно-морским флотом Австро-Венгерской империи, а несколькими годами позже венгерский народ избрал меня регентом Венгрии. Это назначение сделало меня действительным главой венгерского государства. В моей жизни мне было оказано много почестей, о которых я не просил. В предпринятой мной попытке стать автором я не ищу славы. Обстоятельства заставили меня отложить меч и взяться за перо.

Когда я начал записывать отдельные события и эпизоды из моей долгой жизни во время вынужденного бездействия – в первый раз это было в плену в 1944–1945 гг., затем во время пребывания в госпитале в Португалии, – я делал это с единственной целью – оставить память о себе для моей семьи. То, что эти воспоминания теперь предлагаются вниманию общественности, является результатом просьб многих друзей, которым удалось уговорить меня, приведя слова Гёте: «Вопрос, стоит ли писать свою биографию, – вопрос спорный. Я придерживаюсь того мнения, что поступить так – это значит проявить величайший акт учтивости, который только возможен».

И я не собираюсь уклоняться от исполнения своего долга учтивости перед историей и моими современниками. Тем более что я не единственный выживший свидетель целого ряда событий, в которые наряду со мной были вовлечены и другие люди. В то же самое время мною движет желание высказать слова ободрения моим дорогим венгерским соотечественникам, которые после катастрофы 1919 г. были ввергнуты в еще более жестокий коммунистический террор, оказавшись под гнетом иноземной власти. Все беды 1945 г. не могут и не должны стать концом истории. Я выражаю свою приверженность словам нашего великого венгерского поэта Имре Мадача, который в своей «Трагедии человека» призывает: «Человек, имей веру и с этой верой продолжай бороться!»

В этой борьбе мой жизненный опыт может быть полезен и моим современникам, и представителям будущих поколений. Венграм судьбой было уготовано поселиться на землях, лежавших между землями славян и немцев. И видимо, такое положение сохранится и в будущем. Снова и снова будут возникать те же самые проблемы, что и во время моего регентства.

Это задача биографа и в еще большей мере того, кто сам пишет свою биографию, – представить картину такой, какой она была на то время, не принимая во внимание влияние на ситуацию дальнейших событий. Каждый задним умом крепок. Мою задачу хроникера осложняют два фактора. По мере старения свойство человеческой памяти накапливать и хранить информацию все больше снижается. Те, которые записывали воспоминания в преклонном возрасте, могли восполнить забывшиеся события, обратившись к дневникам и архивам. Я никогда не вел дневник, а хранившиеся в моем сейфе официальные и частные документы в момент моего ареста в октябре 1944 г. были либо уничтожены, либо остались в Королевском дворце в Будапеште. Некоторые факты я восстановил, опираясь на воспоминания моих бывших сотрудников. Им я особенно признателен.

Бесценна была также помощь моей жены и снохи, которые не жалели усилий, внося дополнения и исправления в мои мемуары. Несколько документов были обнаружены в воспоминаниях-рассказах о моей жизни, авторами которых были: баронесса Лили Добльхофф, Оуэн Раттер и Эдгар фон Шмидт-Паули. Я уверен, что они не будут на меня в претензии из-за использования этих документов, а также за публикацию того, что они написали обо мне. То же самое относится к тем книгам, которые были написаны о Венгрии со времени окончания войны.

Меня неприятно поразил, но одновременно и ободрил тот факт, что у разных авторов были различные восприятия одних и тех же событий. Но такое отношение вполне обычно, и любой общественный деятель понимает, что невозможно нравиться всем. В таком случае право вынести окончательный вердикт следует предоставить истории. И тому, кто всю свою жизнь стремится честно и ответственно, в меру своих способностей выполнить свой долг, не должно опасаться этого вердикта. В таком расположении духа я представляю свои мемуары вниманию общественности и будущим историкам.

М. Хорти

Глава 1

Вхождение в мир

Я родился 18 июня 1868 г. в нашем родовом поместье Кендереш в комитате Сольнок, в самом сердце венгерских равнин. Высокие деревья обширного парка осеняли дом, в котором мои предки жили со времен окончания турецкого владычества. До этого мое семейство не одно столетие прожило в Трансильвании.

Я был пятым из девяти детей, в семье было семь мальчиков и две девочки. Наше детство было безоблачным и счастливым, мы чувствовали себя под надежной защитой родительской любви. Я обожал свою мать. Ее добрый, веселый и жизнерадостный нрав создавал теплую домашнюю атмосферу, и вплоть до сегодняшнего дня мои юношеские воспоминания согреты светом ее души. Отцом я восхищался и глубоко уважал. Но Иштван Хорти, посвятив себя управлению имением, был человеком сурового характера и строгих правил и не терпел непослушания в своем доме, так что зачастую мы испытывали перед ним робость. Ему не нравились мои мальчишеские проказы, к которым меня толкали мое живое воображение и страсть к приключениям. И даже моя мать не смогла отговорить его отправить меня в восьмилетнем возрасте в Дебрецен. Там уже проживали два мои брата вместе с французским воспитателем. С этого времени я расстался с домашним уютом и вступил в жизнь, и потому я рано привык принимать самостоятельные решения и быть ответственным за свои поступки.

Те читатели, кто знаком с историей Венгрии, вероятно, знают, что в 1867 г., за год до моего рождения, наш прозорливый и опытный государственный деятель Ференц Деак подготовил соглашение о создании союза между Австрией и Венгрией, с двумя столицами – Веной и Будапештом. Еще в 1527 г. в Секешфехерваре Святой короной Святого Иштвана (Стефана) короновался Фердинанд I Габсбург; произошло это за два года до первой осады турками Вены. С того времени между венгерской аристократией и Габсбургами установились такие же близкие отношения, как и между князьями Священной Римской империи. Во время революции 1848–1849 гг. венгерские инсургенты под командованием Лайоша Кошута низложили Габсбургов, и молодой император Франц-Иосиф I смог вновь вернуться в Венгрию с помощью российских войск, посланных царем Николаем I, которые тогда в первый раз вступили на нашу землю.

Я оставил родительский дом до того, как закончилась Русско-турецкая война 1877–1878 гг., завершившаяся Берлинским конгрессом. Решения конгресса сильно изменили карту Европы. Прежде Османская империя простиралась вплоть до Сараево и Мостара. Теперь Босния и Герцеговина, источник постоянной напряженности в международных отношениях, была оккупирована Австро-Венгрией и управлялась из Вены. Впервые Черногория была провозглашена независимым государством. Небольшое королевство Сербия² увеличило свою территорию за счет Ниша, Вранье и Пирота, было образовано независимое княжество Болгария. Княжества Молдова и Валахия объединились в 1866 г. под властью Карла I Гогенцоллерна-Зигмарингена в единое государство Румыния, которая теперь стала нашим соседом³.

Россия не могла примириться с дипломатическим поражением на Берлинском конгрессе. Пока существовал союз трех императоров, политическая мудрость Бисмарка, которого активно поддержал Андраши, министр иностранных дел Австро-Венгерской империи, позволила избежать обострения российско-австрийских противоречий. Боснийский кризис 1908 г., когда

---

² Сербия при поддержке России получила в 1830–1833 гг. статус автономного княжества, решением Берлинского конгресса – полную независимость, а в 1882 г. Сербия стала королевством.

³ Фактически Молдова и Валахия объединились в 1859 г., когда господарем в обоих княжествах был избран А. Куза, который в 1866 г. был вынужден отречься от престола.

Австро-Венгрия аннексировала Боснию, Балканские войны 1912–1913 гг. и убийство в Сараево в 1914 г. еще были впереди, и до этих событий оставалось не одно десятилетие. И когда я решил пойти служить на флот офицером, я меньше всего думал о морских сражениях и победах, но мечтал увидеть мир и путешествовать.

В Дебрецене я окончил начальную школу и перешел в классическую гимназию в Шопроне (Lahne Institute), где преподавание велось на немецком, так как мои родители хотели, чтобы я совершенствовался в этом языке.

Было нелегко получить разрешение у родителей для поступления в Военно-морскую академию. Мой брат, который был старше меня на четыре года, был тяжело ранен во время маневров за два месяца до завершения обучения на морского кадета; и будапештский хирург, который вместе с отцом поспешил в госпиталь в город Фиуме (Ржека), не смог спасти ему жизнь. Мог ли я просить своих родителей позволить еще одному сыну стать моряком после такой страшной потери? Моя мать уговорила отца дать свое согласие, и да будет благословенна их память за принятое ими решение. Теперь я еще раз выражаю им свою благодарность за то, что позволили мне выбрать профессию, которая была мечтой моего детства, и за предоставленную мне возможность воплотить в жизнь мои самые заветные мечты.

Я никогда не переставал любить эту профессию, и моя увлеченность ею не прошла с годами. Будучи регентом Венгрии, я с гордостью носил свой адмиральский мундир даже после того, как австро-венгерский флот, к глубочайшей моей печали, прекратил свое существование.

Дисциплина в австро-венгерском флоте была строгой, однако благодаря тщательнейшему отбору офицерский корпус, хотя и представленный разными национальностями, отличался сплоченностью и одинаковым уровнем подготовки моряков, что делало службу на флоте приятной. В год моего поступления – это был 1882 г. – из 612 кандидатов было принято, если не ошибаюсь, всего 42. Поскольку все морские офицеры должны были окончить Военно-морскую академию, их образование было единообразным. Требования были высокими, что означало: в течение 4 лет обучения более чем треть из 42 поступивших отсеялась. В итоге только 27 из нас закончили учебу и стали профессиональными морскими офицерами.

Я не отличался особым усердием и предпочитал учебе в классе практические занятия. Так как среди учащихся моего года поступления я выделялся среди всех небольшим ростом и был отличным гимнастом, меня определили в марсовые. Исполняя тренировочное упражнение, я сорвался с нока рея и, падая с высоты около 20 м, все же смог ухватиться за снасти, соскользнув по ним вниз. Это спасло мне жизнь, хотя кожа на ладонях была содрана до крови. Все-таки я сильно ударился о палубу, и в госпитале врачи приложили немало усилий, чтобы поставить меня на ноги: у меня было сломано несколько ребер и рука, выбиты зубы на нижней челюсти. По моей настоятельной просьбе родителям об этом не сообщили, так как я не хотел причинять им беспокойство. Учебный год закончился обычным двухмесячным плаванием по Средиземному морю, после чего нам дали четырехмесячный отпуск.

Нас обучали, руководствуясь одним основным правилом, которое золотыми буквами было выгравировано на мраморной доске в зале училища: «Долг – превыше всего». Этим правилом я руководствовался на протяжении всей моей жизни. Прошло четыре года, и настал долгожданный момент выпуска – все мы стали гардемаринами. После четырехмесячного отпуска я получил назначение на фрегат «Радецкий», флагман эскадры из трех судов, отправлявшейся в зимнее крейсерство. В то время мы еще ходили под парусами; паровые котлы разжигали редко. Даже броненосные корабли все еще несли паруса; и часто можно было видеть, как капитаны, прошедшие старую школу, глушили двигатели, входя в узкую гавань, и поднимали паруса, к которым были больше привычны. Также, находясь в гавани, во время шторма они заменяли якорные цепи, которым они не доверяли, на канаты. Только в конце 1880-х гг. началось строительство современных боевых кораблей, крейсеров и миноносцев.

Наша эскадра отплыла из Далмации в Испанию. Капитаном флагманского корабля Ним был капитан второго ранга эрцгерцог Карл-Штефан, брат королевы Испании, ставшей матерью будущего короля Альфонса XIII. Это означало, что нас тепло принимали во всех портах Испании, и испанцы сделали все возможное, чтобы познакомить нас с красотами своей страны и, конечно, корридой. Из Малаги вместе с двумя друзьями я отправился в чудесное путешествие по прибрежной равнине через рощи апельсиновых деревьев и далее через Сьерру-Неваду в Кордову и Гранаду, где на меня произвела неизгладимое впечатление Альгамбра. В Барселоне на борту нашего корабля побывало много людей. Обязанностью вахтенных было показывать важным гостям корабль и, главное, следить за тем, чтобы все посетители покинули его до 5 часов дня. Однажды я нарушил приказ, так как внутренне просто не мог заставить сойти на берег одну семью, поздно поднявшуюся на борт. За этот проступок я был лишен на две недели увольнительной на берег. Для меня это было болезненным наказанием, ведь Барселона была прекрасным городом, который влек меня к себе, здесь было что посмотреть и чем заняться. И всего этого я должен был лишиться? Едва только мои товарищи покинули корабль, я переоделся в гражданскую одежду, вышел на палубу и, подождав проплывавшую мимо лодку, которой правил какой-то испанец, незаметно спустился в нее. Сойдя на берег, я последовал за своими друзьями. У причала покачивалась на волнах шлюпка капитана. Быстрым шагом я пошел в направлении кафе, куда направились мои приятели. И тут я увидел капитана, шествовавшего мне навстречу по Каие Ларга. «Что бы ни случилось, но увидеть меня он не должен», – подумал я. Прикрыв лицо платком, я нырнул в ближайший переулок и во весь дух побежал обратно в порт. Вскоре я уже был на причале, прыгнул в шлюпку и укрылся, как мог, под банками для гребцов. Наконец подошел капитан и занял свое место; матросы начали грести к кораблю. Поднявшись на борт, капитан приказал вахтенному офицеру вызвать меня. Я слышал, как он отдавал приказ, когда матросы подавали мне руку, помогая пролезть в оружейный порт. В кубрике я быстро переоделся. Кадет, которого послали за мной, увидев меня, подумал, что перед ним привидение. Ведь он своими глазами видел, как я сошел на берег. Я помедлил некоторое время, якобы необходимое мне, чтобы проснуться и одеться, и поднялся на палубу. Представ перед капитаном, я постарался придать себе сонный вид. Он потерял дар речи и отослал меня, не сказав ни слова. Много лет спустя, когда он уже стал адмиралом, а я – офицером, он поинтересовался, каким образом мне удалось подобный трюк. Мне пришлось объяснить ему, что именно он доставил меня на судно на своей шлюпке.

Полтора года спустя я вновь посетил Барселону по случаю морской выставки, на которую пригласили представителей всех мировых флотов. Ожидали визита на выставку королевы и ее 18-летнего сына. На рейде выстроилось 76 боевых кораблей. Вскоре мы сдружились с голландцами и кутили вместе в различных печально известных кафе. Однажды они устроили банкет на борту своего фрегата «Иоганн Вилем Фризо», на который пригласили по одному кадету от каждой страны – участницы выставки. Мне выпала честь представлять нашу эскадру.

По этому случаю главной целью хозяев было разместить за столом как можно больше гостей. Обед начался в 6 часов, а в 9 первые «тела» были подняты на палубу, погружены в поджидавшие их шлюпки и отправлены на свои корабли. Мне удалось продержаться некоторое время, но наконец пришел и мой черед, и судьба всех остальных настигла и меня. На следующее утро, проснувшись, я обнаружил, что нахожусь в незнакомой каюте. Я позвонил в колокольчик, и появился матрос без головного убора и обратился ко мне на совершенно не знакомом мне языке. Когда я вышел на палубу, то понял, что я – на русском корвете, офицеры которого оказались очень внимательны ко мне. Все это утро можно было видеть лодки, курсировавшие в разных направлениях по заливу, развозившие заблудившихся кадетов.

Это второе плавание в Барселону я проделал на «Принце Евгении». После того как корабли эскадры были поставлены на ремонт, я был переведен на «Минерву», корвет, не имевший двигателя. Однажды в виду берегов Сицилии мы попали в яростный шторм, и только бла-

годаря капитану нам удалось при сильном западном ветре, вздымавшем гигантские водяные валы, добраться до защищенной гавани Мальты. Он совершил маневр столь искусным образом, что нас восторженно приветствовали экипажи стоявшей там британской средиземноморской эскадры. Мы осмотрели живописный остров Мальта, который хранил память о рыцарях-крестоносцах далекого прошлого.

Следующая остановка была в Тунисе, где мне довелось увидеть развалины древнего Карфагена. Прежде чем мы отправились в дальнейший путь, я купил попугая, который стал любимцем всех кадетов. Мы пытались научить его говорить, но все наши усилия были напрасны. После окончания дневных работ мы обычно проводили время в кают-компании, играя в таро. Прошло несколько недель после того, как мы отплыли, и кто-то во время игры в карты воскликнул: «Таро!» и «Пагат ультимо!». И сразу же раздался пронзительный крик попугая: «Контро!» Это было единственное слово, которое он, должно быть, хорошо расслышал во время нашей игры в Тунисе.

В ноябре 1889 г. я был назначен младшим лейтенантом и переведен на «Таурус». Я был обрадован своим назначением. Это был наш «посольский» корабль, как мы обычно называли военные суда, которые великие державы посылали в Константинополь для выяснения реального положения дел при дворе султана Абдул-Хамида II. Зимой стоянка «Тауруса» располагалась напротив артиллерийского арсенала Тофана; летом мы стояли на якоре напротив летних резиденций посольств на Босфоре. Летом мы также уходили в длительное плавание по Черному морю, часто поднимаясь вверх по Дунаю до Галаца, или плавали вдоль турецкого побережья и выходили в Средиземное море.

Жизнь в Константинополе была приятной и разнообразной. В свободное от вахты время мы занимались спортом. У нас была даже небольшая свора гончих, и каждую неделю мы отправлялись на охоту с приманкой с английским атташе, знатоком охотничьего дела.

Прошло более года нашего пребывания в Константинополе, и появилась необходимость сменить на «Таурусе» котлы. Мы отправились в Пулу на Адриатическом побережье. По пути мы зашли на остров Корфу (Керкира), где я посетил дворец Ахиллеон, который был обязан своим именем статуе Ахиллеса, поставленной в парке. Дворец был построен австрийской императрицей Елизаветой с большим вкусом и любовью на выдающемся в море мысу острова. Она планировала его постройку и выбрала для него место вместе с сыном кронпринцем Рудольфом. После его трагической смерти она никогда больше не вернулась на Корфу, и Ахиллеон перешел во владение германского императора Вильгельма II, сестра которого София была замужем за Константином, будущим королем Греции.

Мечта каждого морского офицера – совершить кругосветное плавание. Для меня она стала явью во время моей службы на корвете «Сайда», на который меня перевели летом 1892 г. Его командиром был капитан 3-го ранга Закс, в прошлом адъютант императора Франца-Иосифа I. На борту было 10 офицеров, из которых я был самым младшим по возрасту и званию. О плавании длиной в два года у меня остались одни из самых приятных воспоминаний в моей жизни. Подобно Одиссею, мы посетили много городов и познакомились со многими людьми и с их представлениями о мире. Главенство белой расы во всем мире было общепризнанным и неоспоримым. В правление королевы Виктории слова гимна «Правь, Британия, морями!» были бесспорны. Во время нашего путешествия мы видели множество убедительных примеров этого. Я мог бы посвятить целый том воспоминаниям о моем плавании, но я ограничусь только беглыми замечками и комментариями, которые интересны тем, что показывают, как изменились времена.

Мы вышли из Пулы под парусами; ветер был благоприятным, и вскоре мы уже были в Порт-Саиде. Краткая остановка позволила нам познакомиться с достопримечательностями Египта: пирамидами, великолепными мечетями и музеями. Посещали мы и места развлечения. Я остановился в отеле «Шепард», здание которого позже сгорело в пожаре 1952 г. Напро-

тив располагался табачный магазин Димитрино, который поставлял свои товары моему отцу. Я оплатил счет отца, когда покупал папиросы для офицеров на весь долгий путь. Неожиданно наше пребывание в Египте затянулось, и это поставило нас перед проблемой, насколько нам хватит содержимого наших кошельков. Мы обсудили сложившуюся ситуацию, и я предложил рассмотреть интересную идею – взять кредит у Димитрино. Я записал в тетрадь, какие суммы потребуются каждому, и неуверенно и робко изложил свою просьбу. Но он ответил, что, к большому сожалению, он не сможет сейчас ничего для нас сделать, так как кассир ушел домой. Однако, сказал он, что пошлет за ним, а затем сообщит мне в отель. Я посчитал это мягкой формой отказа. Вообразите мое удивление, когда через четверть часа явился посыльный и передал просьбу Димитрино прийти. Я застал его стоявшим у открытой двери громоздкого сейфа, наполненного золотом. Широким жестом он указал на сейф и разрешил мне взять необходимую сумму. Счет отца был уловкой, но, как истинный человек дела, он был отличным знатоком человеческой натуры. Мы смогли расплатиться с ним, прибыв в Суэц.

Вошедшая в поговорку адская жара Красного моря сильно осложняла работу наших кочегаров, ведь местных мы нанимать отказались. Насосы непрерывно качали воду для трех душевых кабинок на палубе. И хотя температура воды была 30 градусов по Цельсию, она ощущалась нами как холодная, и мы не могли долго стоять под ней. В Адене мы столкнулись с толпами торговцев, продававших персидские ковры, и еврейскими купцами, предлагавшими купить страусовые перья. Наш корабль быстро окружило множество лодок-однодеревок, с которых сомалийские мальчишки прыгали, как лягушки, в воду, ныряя за брошенными за борт монетами. Кругом было много акул, и мы видели много ребят, потерявших руку или ногу в результате опасного занятия.

В Бомбее⁴ на борт нашего судна поднялся британский морской офицер. Когда мы беседовали с ним на палубе, мимо нас проходил пассажирский лайнер. Офицер в разговоре заметил, что на его борту находился британский майор, которого перевозили в Англию в лечебницу для душевнобольных. Однажды вечером, рассказал он нам, этот майор развлекал своих друзей в своем бунгало близ города Пуна, когда неожиданно заметил, как вокруг его ноги обвивается кобра. Подобная змея не редкость в тех краях, и ее укус смертелен. Майор попросил своих гостей не двигаться и приказал слуге быстро разогреть немного молока и осторожно поставить миску с ним рядом с его ногой. Это заняло некоторое время. Змея соскользнула с ноги и поползла к миске, а слуга тотчас отсек ей голову. Гости облегченно вздохнули и расслабились. Майор же остался неподвижен. Сознание покинуло его.

В окрестностях Пуны высоко в горах есть лес, любимое место отдыха европейцев. Когда я узнал, что там водятся пантеры, я отпросился на пару дней, чтобы попытать удачи вместе с местным охотником. На расстоянии около двухсот метров от последнего бунгало находилась открытая площадка, в центре которой он привязал ягненка, а сам вместе со мной расположился на приподнятой платформе, построенной на некотором удалении. Темнело. Я сомневался, что пантера осмелится приблизиться к поселению, ведь до нас доносились даже голоса людей из ближайшего бунгало. Охотник рассказал мне, что всего две недели назад пантера зашла в дом одной английской леди, и к ее ужасу, разорвала ее небольшую собаку. Светила полная луна, условия для прицельной стрельбы были идеальны. Но пантера не появлялась. Только после захода луны до нашего слуха донеслись звуки разыгравшейся под нами драмы. Мы были вынуждены оставаться на месте, пока не рассвело. К сожалению, у меня не было времени на вторую попытку.

С помощью лоцмана мы поднялись по реке Хугли, одному из рукавов дельты Ганга, и бросили якорь напротив острова Сагар. На этом острове нет жителей, отчасти по причине того, что его часто посещают, переплывая реку, тигры, особенно в брачный период. После

---

⁴ С 1995 г. называется Мумбаи.

постигшей меня неудачи с пантерой я надеялся поохотиться на тигров. На этот раз я взял с собой в качестве приманки теленка. Лощман, видя мои приготовления, сообщил капитану, что я затеял опасное дело. Сигнал к возвращению заставил меня вернуться. На следующее утро мы направились к Калькутте⁵.

По берегу тянулись тропические леса, чередовавшиеся с полями, которые местные крестьяне обрабатывали с помощью прирученных слонов. Поблизости от города по обоим берегам реки догнали трех- и четырехмачтовые суда, осужденные исчезнуть под напором эпохи пара.

Калькутта уже в то время имела более одного миллиона жителей. На третий день нашей стоянки нас пригласили на обед и бал к губернатору. Мы увидели цвет калькуттского общества. Каждый день устраивались какие-либо мероприятия: поло, скачки, званные вечера, театральные представления. Все это занимало много времени, и мне вовсе не хотелось ехать на экскурсию в Дарджилинг. Но, осознавая, что мой долг – отдать дань памяти великому венгерскому исследователю Тибета Кёрёши-Чома⁶ и посетить его могилу, я все же поехал и никогда не сожалел об этом. Я увидел Гималаи, высочайшие горы планеты, собственными глазами.

Играя как-то в поло, я познакомился с раджей княжества Куч-Бихар в Бенгалии, который пригласил меня на охоту на тигров с участием слонов – охотники сидели на их спинах. Однако она должна была состояться два дня спустя после нашего отплытия. Я был в отчаянии, ведь когда еще мне представится такая возможность? Я даже намеревался сказать больным, чтобы меня положили в госпиталь, а после охоты догнать «Сайду» в Сингапуре. Однако во время очередных скачек моя лошадь упала, и я сломал ключицу. Мне было нелегко оставить Калькутту.

То, что мы наблюдали в Индии, подтверждает колонизаторский талант британцев. Они закрепились в Хайберском проходе и установили контроль над непокорными племенами вдоль всей северо-западной границы британской Индии. Англичане положили конец постоянным конфликтам между индусами и мусульманами. В экономической области они озаботились регулированием водосброса больших рек и, проведя ирригационные работы, смогли восстановить плодородие значительных по площади земель в Пенджабе. Они строили шоссе и железные дороги. В короткое время им удалось цивилизовать страну и обеспечить ее благосостояние. Сейчас Индия разъединена⁷, и миллионы беженцев по обе стороны индо-пакистанской границы испытывают, вероятно, страшные бедствия после состоявшегося так называемого освобождения (в 1947 г.).

Сингапур, британский Гибралтар Востока, произвел на нас большое впечатление. Если бы кто-то сказал нам, что эта неприступная крепость будет завоевана однажды (в 1941 г.) японцами, мы бы рассмеялись ему в лицо. Султан Джохора дал нам аудиенцию, однако присутствие британского адъютанта указывало на то, что страна находится в сфере британского влияния.

Еще в Калькутте я получил письмо от сиамского принца, полное имя которого было Мом Рашвонгсе Кроб. Он учился в нашей Военно-морской академии и провел 14 лет в Вене, где мы встречались с ним в доме нашего общего друга. В своем письме он обещал встретить меня в Бангкоке. Река Менам, на которой стоит столица, настолько мелководна, что мы должны были встать на якорь на большом расстоянии от нее, уже почти вне видимости побережья. Спустя несколько часов после нашего прибытия Мом подплыл к нам на небольшой паровой яхте. Мне дали три дня отпуска на берегу. Я сразу же перешел к нему на яхту. Нам потребовалось три часа, чтобы добраться до Бангкока. Мом жил в своем гареме, и, извинившись за то, что я не мог остановиться в его доме, он заказал мне номер в отеле в чисто европейском стиле.

---

⁵ С 2001 г. называется Колката.

⁶ Кёрёши-Чома (1784–1842) – венгерский филолог-востоковед. Автор первого тибетско-английского словаря и грамматики. Умер от малярии в Дарджилинге по пути в Лхасу.

⁷ Индия была разъединена на две страны: Индию и Пакистан.

После обеда мы посетили театр, принадлежавший министру иностранных дел, в котором все женские роли исполняли его жены. Смысл действия поясняли картины, появлявшиеся позади сцены. Танцовщица, одетая в золотой костюм Будды, вращала пальцами рук и ног под музыку барабанов, гонгов и флейт. Мне потребовалось некоторое время, чтобы различить ведущую экзотическую мелодию. Мом Кроб с гордостью заявил, что музыканты играют слаженно, не используя нот.

Бангкок со своими бесчисленными пагодами, красивыми зданиями и музеями с богатейшими коллекциями золотых и ювелирных изделий произвел на меня глубокое впечатление, как будто волшебная сказка стала явью. Три моих свободных дня пролетели незаметно. Мне пришлось отказаться от своего намерения быть представленным при дворе, так как у меня не было костюма, необходимого для официального приема. Я не мог себе представить, что пятьдесят лет спустя в Гёдёллэ моим гостем будет король Сиам (Таиланда) Рама VII Прачадипок.

На Яве мы увидели результаты хозяйствования голландцев, которые превратили плодородные острова Ост-Индии в основного производителя каучука, табака, кофе, чая и других важных культур. В Батавии⁸ мы были гостями генерал-губернатора в его летней резиденции Бейтензорг. Расположенная на возвышенной местности, она отличается прекрасным климатом, несмотря на близость экватора. На погоду здесь влияют устойчивые ветры муссоны, которые полгода дуют с северо-востока на юго-запад, а другую половину – в противоположном направлении. Парусные суда при подготовке к плаванию должны учитывать особенности этих ветров. Из Сурабаи мы поехали к священной горе Бромо, одному из крупнейших вулканов мира высотой 2392 м, диаметр кратера которого около 800 м. Мы спустились по извилистой тропе с горы, а затем поднялись на вторую вершину. Внезапно нас окутал густой туман, это было столь неожиданно, что мы подумали – началось извержение вулкана. Мы вскочили на лошадей и были готовы немедленно оставить священную гору. Но туман резко сменился тропическим ливнем, чью силу мы уже испытали ранее.

Наша следующая остановка была в порту Албани на юго-западе Австралии. Переход до этого континента был длительным, нас нес юго-восточный пассат, пока мы не вошли в область западных ветров. Со дня создания мира здесь постоянно бушуют штормы. Холодный ветер Антарктики устремляется к тропикам и, вследствие вращения Земли, отклоняется на восток. Поскольку глубины Индийского океана достигают здесь 5 тысяч метров и более, во время штормов образуются волны такой высоты, которые трудно представить в наших широтах. Когда эта колоссальная масса воды накатывает на корабль, наблюдателю со стороны может показаться, что корабль никогда не вынырнет из-под нее и его со всем экипажем поглотит океаническая пучина. Но такие волны могут быть опасны только на мелководье. В последние недели перехода было невозможно есть за привычно накрытым столом, а ночью в любой момент тебя могло выбросить из койки. Вокруг были только вспененные волны да парили, расправив крылья, альбатросы. Они кружили над кораблем, бросаясь за любой вещью, брошенной за борт. Мы были рады добраться до спокойных вод бухты Албани (бухта Кинг-Джордж). Наш консул предупредил нас, что в городе свирепствует эпидемия, и капитан, погрузив свежую провизию, отдал приказ идти напрямик в Мельбурн. Нас подгонял западный штормовой ветер, и мы шли по относительно спокойному океану со скоростью до 15 узлов (27,8 км/ч).

В те времена Мельбурн с 300 тысячами жителей был самым современным городом, который я когда-либо видел⁹. Еще были живы первые колонисты из тех переселенцев, которым довелось жить в палатках. Но во время нашего визита город уже имел регулярную планировку с широкими и красивыми авеню и идеально спроектированными площадями.

---

⁸ Ныне Джакарта.

⁹ Ныне более 4 млн человек в агломерации.

Губернатором штата Виктория в то время был 30-летний граф Хоуптоун (Hopetoun); его значительное состояние позволяло ему содержать свой дом с королевской роскошью. У него имелась прекрасная конюшня, поскольку он был страстным любителем лошадей. Он принимал участие в каждом скачке с препятствиями, охоте на лис и кенгуру. Когда я был приглашен к нему на обед, черный кофе подавали в конюшне. Граф имел расположение к Венгрии, что объяснялось, вероятно, тем, что в нашей стране всем была известна кобыла Кинчем; о всех ее 56 победах в заездах он знал досконально. Хоуптоун пригласил меня на очередной стипль-чез, и, хотя у меня не было костюма жокея, я сразу же принял предложение.

Место, где содержались лошади, было окружено высоким частоколом. Появился егерь со сворой гончих собак, и губернатор спросил: «Все готовы?» Ворота были открыты, однако он подскочил к ограде, и конь перенес его через нее. Хотя с пяти лет я был наездником, никогда мне не доводилось видеть, чтобы лошадь взяла такое препятствие, даже на соревнованиях. Что мне было делать? Кобыла, что мне досталась, хорошо слушалась команд, меня так и подмывало попытаться повторить этот прыжок.

Я также принял участие в охоте на кенгуру, которая начинается с прочесывания леса. Скачка среди деревьев продолжается короткое время, и, когда животное устает, оно садится и защищается от собак, отвешивая им задними ногами пинки, от которых те взлетают вверх. Тогда егерь убивает кенгуру из пистолета. Седла участников этой охоты снабжены приспособлениями для защиты коленей от удара о деревья.

Расставаясь с губернатором, я поблагодарил его за все, и за так удачно подобранную мне кобылу, и он загорелся желанием мне ее подарить. Увы, я не мог принять подарка, на борту «Сайды» не было для него места. И я не мог отправить лошадь на другом корабле без сопровождения.

В Мельбурне мы увидели необычный вид общественного транспорта: трамвай, передвигающийся с помощью троса, протянутого почти на уровне тротуара. Двери второго вагона каждого трамвая были открытыми, и каждый пассажир мог войти в вагон или соскочить на ходу. Пассажир бросал монету в небольшой ящик, и по ее звону все остальные пассажиры понимали, что проезд оплачен. Во всем Мельбурн соревновался с более старым Сиднеем. Если один город обзаводился органом, то второй должен был иметь не только больший инструмент, но самый большой в мире. О концертах высокооплачиваемых бельгийских органистов было известно повсюду. Если представлялась хотя бы малейшая возможность посетить концерт, упустить ее я не мог, и это было самым большим наслаждением, которое я когда-либо испытывал от музыки. Когда включался регистр *vox humana*, орган звучал подобно человеческому голосу: то это был великолепный тенор, то баритон, то бас, а то контральто.

Мы стали завсегдатаями кафе-ресторана «Вена», владельцем которого был уроженец столицы Австрии. Двадцать лет назад он вместе с партнером открыл пекарню, и их выпечка различного вида, их *Kaisersemmel* и *Kipfel* стали настолько популярны, что их дело стремительно развивалось. Один из партнеров построил кафе; другой занялся строительством конюшни для скаковых лошадей, однако у него что-то пошло не так. Несмотря на успех, вскоре, потеряв рассудок, он скончался.

В Сиднее нам постоянно задавали один вопрос: «Что вы думаете о нашей гавани?» И действительно, Сидней соперничал с Рио-де-Жанейро по красоте и известности своей гавани, трудно было сказать, какая из двух прекраснее в мире.

Нас предупредили о встрече с геологом бароном Фуллоном-Норбеком, который на «Сайде» должен был отправиться с нами на Новые Гебриды и Соломоновы острова, где ему предстояло вести разведку месторождений никеля. Австро-Венгрия в это время ввела в оборот никелевые монеты. Это поручение, к сожалению, лишило нас возможности зайти на Таити, увидеть Гонолулу и Сан-Франциско. Мне особенно хотелось посетить Гонолулу, столицу тогда

еще независимого королевства Сандвичевых (Гавайских) островов¹⁰, которым правила королева Лилиуокалани, тетка моего ординарца! Единственный выживший после кораблекрушения моряк явился в королевскую резиденцию, быстро выучился говорить на местном языке и доказал свою полезность. Красивый юноша влюбился в наследницу трона и женился на ней. За два года до этого события умер принц-консорт, и королева обратилась к нашему министру иностранных дел за справкой о родственниках своего мужа. Именно тогда я узнал, что тот молодой матрос был дядей моего ординарца. Мне было бы лестно быть представленным во время приема в королевском дворце старине Джону Доминису (таково было его имя).

Среди многих посетителей, которые пришли посмотреть наш корабль в Сиднее, был один старый очаровательный джентльмен, который после войны за независимость 1849 г. эмигрировал из Венгрии в Австралию. Он сколотил приличное состояние и стал важной персоной, но его обеспеченное существование не смогло избавить его от тоски по родине. Когда я спросил его за обедом, почему он не вернулся, он ответил, что боялся испытать разочарование. Он хотел бы надеяться, что все с радостью воспримут известие о его возвращении; но так как у него не осталось ни одного знакомого человека в Венгрии, люди равнодушно отнесутся к его приезду. Чтобы доставить ему удовольствие, я собрал наш мужской хор, и мы долго пели для него венгерские народные песни, одну за другой. Старый джентльмен настолько расчувствовался, что едва мог взять себя в руки.

Сразу после того, как барон Фуллон-Норбек поднялся на борт корабля, мы оставили Сидней и направились в Новую Зеландию, где бросили якорь в гавани Окленда. На Северном острове много вулканов и горячих источников. Как нам рассказывали, здесь в одном источнике можно поймать форель, а затем опустить ее в другой, находящийся поблизости, где ее можно запросто сварить, даже не сняв с крючка! Нам встретилось лишь несколько маори, а единственную в мире бескрылую птицу киви мы так и не увидели. Меня удивила бедность животного мира Новой Зеландии. Несколько лет спустя, обсуждая эту особенность в беседе с императором Францем-Иосифом, я сказал, что это было бы идеальное место для разведения серн. В результате нашего разговора туда было отправлено несколько пар серн, которые, как я узнал позднее, прижились и размножились.

Следующая остановка была в порту Нумеа, столицы Новой Каледонии, колонии Франции¹¹, где располагалась каторжная тюрьма, куда ссылались самые отъявленные преступники. Режим содержания был предельно суровым. Если преступники соблюдали тюремные правила, то им делались различные послабления. Достигнув самого высокого, пятого уровня содержания, заключенный мог выбрать себе жену среди женщин-заключенных, и ему выдавался надел для ведения хозяйства. Однако неудивительно, что в таких условиях многие из осужденных сходили с ума, и тогда их переводили в сумасшедший дом, который построили дверь в дверь рядом с тюрьмой. Однажды мы увидели, как какой-то человек ловко, словно обезьяна, прыгал с ветки на ветку; видимо, это был обитатель того самого дома, вырвавшийся на волю.

Когда капитану потребовалось обратиться к губернатору, он взял меня с собой в качестве переводчика. В детстве меня обучал французскому языку наш дворецкий, швейцарец. В процессе переговоров выяснилось, что в отсутствие практики я сильно подзабыл язык.

На острове Новая Каледония водится особый вид оленя – пятнистый олень. Я ходил на охоту с местным охотником, который отслеживал дичь по запаху подобно собаке, и это ему отлично удавалось.

---

¹⁰ В 1887 г. так называемая Конституционная партия, возглавляемая американскими плантаторами, установила в стране свою диктатуру, а в 1893 г. при поддержке десанта с американского крейсера свергла королеву Лилиуокалани. Затем была образована так называемая Гавайская республика с марионеточным правительством, о присоединении Гавайских островов к США было объявлено в 1898 г., а в 1900 г. они получили статус территории США. С 1959 г. штат США.

¹¹ Колония (18 575 км) состоит из главного острова Новая Каледония (16,2 тыс. км²), архипелага Луайоте и множества небольших островов и атоллов.

В поисках никеля мы отплыли из Нумеа на Новые Гебриды. Из-за предательских рифов и недостоверных лоций во время плавания в архипелаге островов мы пользовались паровым двигателем. В те времена Новые Гебриды и Соломоновы острова были независимыми, и я полагал, что на случай, если барон Норбек нашел бы этот самый никель, Австро-Венгрия имела план аннексировать эти острова. Я так и не мог понять, почему австро-венгерская монархия не предприняла никаких попыток для захвата колоний. Адмирал фон Тегетхоф¹² попытался убедить власти Вены в необходимости для страны колониальных владений, указывая на то, что они привлекли бы к себе избыточное население империи, которое тогда не отправлялось бы на заработки в Америку. Вероятно, и Австро-Венгрия вполне могла бы добиться того же, чего добились небольшие страны, такие как Бельгия, Голландия или Португалия. Но адмирал Тегетхоф и его единомышленники не получили иного ответа, кроме того, что Австро-Венгрия не собирается проводить колониальную политику.

Новые Гебриды и Соломоновы острова населяли в то время только охотники за головами и каннибалы. Жившие в густых зарослях, уродливые, небольшого роста, иссиня-черного цвета кожи, бородатые, они вели постоянную ожесточенную войну с добытчиками соли за столь ценный продукт. Павших в бою воинов съедали. Миссионеров часто постигала та же участь. Островитяне устраивали им гостеприимную встречу, помогали в постройке дома; когда же со временем миссионеры набирали вес, их убивали и съедали.

Мне было поручено возглавить отряд, которому предстояло сопровождать Фуллона-Норбека после высадки на берег. Капитан поручил мне заботиться о его безопасности. Имея опыт передвижения по труднопроходимым джунглям, я подобрал отборную команду из 25 человек, а также моряков, хорошо вооруженных, которые должны были нести необходимое снаряжение. На первом острове мы взобрались на самую высокую гору. Геолог поднял камень, расколол его молотком и сразу же произнес: «Коралловое образование – можем идти дальше». На следующем острове все в точности повторилось. Я не позволял туземцам приближаться к нам, так как знал, что у них были отравленные дротики и стрелы. Каждый раз, когда они появлялись в поле нашего зрения, я сбивал выстрелами несколько кокосовых орехов с пальм, чтобы показать им, насколько далеко бьют наши ружья. У меня был переводчик из местных, бегло говоривший на английском. Его вывезли в Австралию, когда там появилась необходимость в рабочей силе. Местных жителей заманивали на корабли всякими мелкими подарками: стеклянными бусами, спичками, ножами. Когда они поднимались на борт, их просили выполнить кое-какую работу в трюме, и, когда они спускались вниз, корабль отчаливал. Мой переводчик научился в Австралии курить и был очень благодарен мне, когда я поделился с ним своим табаком, ведь со времени возвращения на свой остров он ни разу не имел возможности затянуться папиросой.

Наконец никель, а также золото были найдены в архипелаге Соломоновых островов на острове Гуадалканал, который стал ареной боев во Второй мировой войне. Поскольку у нас заканчивался уголь, а нам предстояло пройти через Торресов пролив между Австралией и Новой Гвинеей, то мы, покинув Гуадалканал, направились к острову Терсди (у северной оконечности Австралии, мыса Йорк на полуострове Кейп-Йорк), известному благодаря Робинзону Крузо. Там мы собирались загрузиться углем. Барон Фуллон-Норбек, которого я сопровождал в более чем тридцати высадках на берег и с кем был в наилучших отношениях, остался на острове, чтобы вернуться в Вену. На следующий год он продолжил поиски никеля, отправившись в путь на австро-венгерском корабле «Альбатрос». Это была экспедиция, которая имела трагический конец.

Видимо, Норбек посчитал, что туземцы не представляют опасности, и он убедил моего сменщика, что в мерах безопасности нет никакой необходимости. В любом случае, когда Нор-

---

¹² Во главе австрийского флота 20 июля 1866 г. победил итальянский флот в морском сражении у о. Лисса (ныне о. Вис, Хорватия).

бек собирался совершить очередной разведывательный выход, он настоял на том, чтобы большая часть сопровождающих осталась внизу. Норбек и его люди начали подъем в сопровождении большого числа туземцев. Их вождь шел рядом с начальником экспедиции лейтенантом Будиком и попросил знаками показать ему револьвер, висевший у того на поясе. Когда Будик начал объяснять, как действует оружие, ниже по склону раздалось несколько выстрелов, и туземцы внезапно напали на отряд. Вождь принялся размахивать каменным топором, но Будик застрелил его. Несколько туземцев было убито, остальные бежали. Но и с нашей стороны не обошлось без потерь. Несчастному Фуллон-Норбеку раскроили череп. Мичман Бофор был убит, и с ним семь матросов. Раненых перенесли на корабль, но, когда на следующее утро на берег высадился отряд собрать трупы павших в стычке, от них не осталось и следа.

Хотя мы и не испытывали особых трудностей, тем не менее мы были рады добраться до Амбона, очаровательного острова в Молуккском архипелаге, принадлежащего голландцам, и снова оказаться среди цивилизованных людей. Следующим портом на нашем пути был Борнео (Калимантан).

Когда погода была спокойной, наш корабль сопровождали акулы, жадно бросавшиеся на любую пищу, выброшенную за борт. Один наш младший офицер был профессиональным ловцом тунцов; он ловил акул гарпуном с расстояния 10–15 м с необычайной ловкостью. Несколько этих тварей он поймал на крючок. С этой целью в воду была опущена петля на прочном тросе, закрепленном одним концом на рее. Трос, пропущенный через блок, держали около сотни человек. Когда акула, привлеченная кусками мяса, проплывала через петлю, матросы резко потянули за трос, и акула вскоре повисла в воздухе. Акула яростно забилась, а в это время матрос набросил вторую петлю на хвост, и мы добились ее топорами. Внутри ее мы обнаружили три пузыря с потомством акулы. В «Энциклопедии» Брема написано, что акула производит на свет от 30 до 50 детенышей; в нашем же экземпляре их было 55, и мы выпустили их в ведро.

Между островом Целебес (Сулавеси) и островом Борнео (Калимантан) я заступил на ночную вахту при ясном и звездном небе. Поставив все паруса, мы делали 8 узлов, и каждые полчаса вахтовый боцман выкрикивал: «Все в порядке!» На всякий случай ради безопасности я осмотрел горизонт в бинокль, и по правому борту вдруг обнаружил большой четырехмачтовый корабль под парусами, но без всяких навигационных огней. Он шел прямо на нас подобно «Летучему голландцу». Ситуация была критической. Если я сверну, а маневр не удастся, возможно прямое столкновение. Или он нас, или мы его протараним на большой скорости. Я все же решил взять лево руля; матросы прекрасно справились со своими обязанностями, они быстро обрасопили паруса, и мы прошли борт о борт с кораблем-незнакомцем, едва не задев закрепленную у него на корме шлюпку.

На борту корабля не было видно ни одного человека. Видимо, все спали. Чтобы разбудить их, я выстрелил из сигнальной пушки на палубе. Это происшествие было самым волнующим переживанием для меня за все время плавания.

Мы бросили якорь у селения Кудат, расположенного в живописной бухте (залив Маруду) в северо-восточной части острова Борнео (Калимантан) на самом севере острова. Здесь совсем не было европейцев. С целью заняться спортом я купил еще в Сиднее небольшой одноместный ялик. Взяв с собой ружье, я поднялся на ялике вверх по реке, протекавшей в джунглях, где обитало множество мартышек и попугаев. Когда я вернулся и сошел на берег у поселения, к моему удивлению, навстречу из хижины вышел гладко выбритый белый человек. Как оказалось, это был англичанин, известный охотник на крупную дичь, который путешествовал по миру в поисках редких видов животных. Он приплыл сюда на китайской джонке поохотиться на бантенга, местную разновидность дикого быка. Ему не пришлось меня долго уговаривать присоединиться к нему. Четыре дня спустя, после того как он договорился о своих планах с султаном – а в то время в этой части острова Борнео существовал независимый султанат, – мы отправились в путь. Он предупредил меня об аллигаторах, которые могли напасть на лодку.

Пока не наступил назначенный день, я решил попытать удачи в одиночку. Я взял с собой двух гардемарин и договорился, что лодка заберет нас на следующее утро в 6 часов. Мы никого не подстрелили, лес представлял собой сплошную чащобу. Однако мы провели канун Нового года в очень романтических условиях. Мы разбили лагерь на лесной прогалине и плотно поужинали. В полночь открыли бутылку шампанского и выпили за наших любимых, за счастливое возвращение на родину и вообще за Новый год. Но мы забыли выпить за хорошую погоду! Это было непростительной ошибкой. Мы были разбужены страшным ливнем. Нас била дрожь, мы насквозь промокли. Было ясно, что лодка за нами скоро не придет. Вряд ли мне было когда-либо холоднее, чем в ту ночь на экваторе.

Охотничья экспедиция с англичанином была очень успешной. Мы стояли, укрываясь за деревьями на краю просеки, на которую по ночам обычно выходили звери. Неожиданно из леса вышел огромный бык. Хотя расстояние до него было около 300 м, я рискнул выстрелить, а затем еще два раза. Англичанин тоже начал стрелять, и, когда бык упал, мы подошли и обнаружили, что попали в него десять раз. Мы отрезали ему голову и положили ее на термитник. За невероятно краткое время она была обглодана дочиста, и мне, как сделавшему первые три выстрела, череп достался в качестве трофея, который я с гордостью взял с собой домой.

Однако на наше плавание не следует смотреть как на череду охотничьих экспедиций, официальных приемов и экскурсий по различным достопамятным местам. Мы не оставляли наши научные труды, продолжала поддерживаться строгая дисциплина на борту. Наконец мы снова прошли через Суэцкий канал, чему все были рады.

Мы встали у причальной стенки, чтобы пропустить почтовый пароход согласно правилам прохода через канал, однако буксирный трос намотался на гребной винт. И так как уже темнело, капитан решил провести ночь в канале. Мы были расстроены; в плавании уже были более двух лет и мечтали как можно быстрее добраться до дома. Поскольку я отвечал за работу водолазов, то попросил капитана отправить одного из них выяснить, что за неполадки с винтом. Мы осветили место погружения прожектором, и водолазу удалось обрезать трос. Его работе мешали целые косяки рыб, привлеченные ярким светом.

К югу от острова Крит нас понес свежий ветер. В полночь я заступил на вахту, и приблизительно час спустя мы подошли близко к берегу и начали следовать юго-западным курсом. Внезапно я почувствовал сильный удар по корпусу корабля, было такое ощущение, что мы сели на мель. Однако лодка показывала, что в этом месте нет никаких мелей. Мы были в растерянности и ничем не могли объяснить случившееся. Только позднее мы узнали, что на Крите случаются резкие подземные толчки; это землетрясение поколебало морские воды.

На подходе к Каттаро (ныне Котор в Черногории) мы приняли сообщение, что наше судно посетят с инспекцией фельдмаршал эрцгерцог Альберт и адмирал барон Штернек, главнокомандующий военно-морским флотом. Большое разочарование ожидало гардемарин. Вместо желанного отпуска их распределили на различные суда эскадры, стоявшей в бухте.

Во время океанического плавания было принято удлинять вымпел на корабле на три фута после прохождения каждой тысячи морских миль. Когда мы входили в гавань Пулы, наш вымпел плыл за нами в воде далеко за кормой.

После окончания нашего кругосветного плавания я взял положенный мне трехмесячный отпуск. Когда я ехал по Венгрии и видел наших крестьян, одетых в живописные национальные костюмы, которые они тогда еще носили, убиравших золотистую пшеницу, я так и порывался обнять их. Свой первый вечер в Будапеште я провел в Национальном театре. Мое место было в первом ряду, и со слухом у меня все было в порядке, но я едва мог понять хотя бы одно слово. На протяжении трех лет я так редко слышал венгерскую речь, что ее звуки стали для меня почти чужими. Мне потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к ней.

На следующий день я прибыл в Кендереш. После столь длительной разлуки мое воссоединение с родителями, братьями и сестрами было чрезвычайно радостным.

Глава 2

Новые назначения

После окончания моего отпуска осенью 1894 г. я получил назначение в штаб вице-адмирала барона Германа фон Шпауна, начальника военно-морского технического комитета. На этой должности я познакомился с целым рядом важных и интересных проектов, предложенных на рассмотрение комитета, и одновременно столкнулся со многими его недоработками. В результате, возможно, пристрастного подхода или же нехватки денег технические комитеты в Пуле и Вене часто отказывались рассматривать важные изобретения. Мне вспоминается случай из моей практики, как один конструктор из отдела производства торпед представил комитету свое изобретение, которое морские офицеры решительно поддержали, но инженер-эксперт в области морской артиллерии категорично отверг его. Вскоре после этого инженер ушел на пенсию, организовал свое дело, взяв партнером конструктора Обри, и теперь на каждой торпедо установлен их гироскоп. Этот прибор удерживает торпеду на заданном курсе, значительно увеличивая дальность ее хода.

Первый миноносец австро-венгерского военно-морского флота был построен на германской верфи «Шихау» в Эльбинге (ныне Эльблонг на северо-востоке Польши). Я был членом комиссии по его приемке и потому воспользовался удобным случаем, чтобы посетить бурно растущую столицу Германской империи. Если Вена была уютным и домашним городом, то Берлин был полон энергии и влек к себе молодое поколение. Мне было интересно посетить Торговую ярмарку, что проходила там во время моего визита.

Испытательный рейс «Магнита» был весьма успешным. Когда мы проходили через недавно открытый Канал кайзера Вильгельма (современный Кильский канал), население Шлезвиг-Гольштейна сердечно приветствовало нас. Несмотря на изменчивую погоду, наше путешествие проходило гладко. Мы заходили также в Гибралтар и на остров Корфу (Керкира).

После возвращения мне повезло попасть на курсы торпедного дела. Я предпочел их трем другим возможным направлениям моей деятельности: работе за письменным столом, службе в артиллерии или в службе минирования. Это значило, что я не расстанусь с морем: учебные стрельбы проходили довольно часто. Шансы на повышение были предпочтительнее, и весь период обучения занимал всего один год.

После окончания курсов меня вновь назначили в комиссию по приемке корабля. В этот раз мы отправились в Англию. Компания «Темз айрон уоркс» построила для нас два миноносца¹³. И снова я воспользовался возможностью познакомиться с новыми странами и городами. Я проехал через Майнц и Кёльн в Брюссель, а оттуда вместе со своим другом отправился через Остенде в Лондон. Нас расстроило сообщение нашего морского атташе, который сказал нам, что передача корабля должна состояться на следующий день. Таким образом, мое пребывание в столице ограничивалось одним днем – воскресеньем. Однако в первом же испытательном выходе в море кожух конденсатора «Кобры» дал трещину, и второе судно «Боа» отбуксировало ее обратно в Поплар¹⁴. Расследование выявило, что был использован материал низкого качества; теперь кораблям придется потратить время на переделку, и у нас есть три месяца, и мы сможем увидеть известные достопримечательности Лондона и познакомиться с его традициями.

---

¹³ Типа «Кобра». Водоизмещение 115 т нормальное и 135 т полное. Длина 46,6 м, ширина 4,6 м, осадка 2,3 м. Мощность двигателя 1800 л. с., скорость до 24 узлов. Экипаж 21 человек. Вооружение: 3 торпедных аппарата 450 мм и 2 орудия 45 мм.

¹⁴ Поплар – район Лондона у впадения в Темзу левого притока, реки Ли.

Нас разместили в замечательном отеле. Утром мы были заняты в Попларе, наблюдая, как идет работа. Мы пользовались станциями метро с труднопроизносимыми названиями, такими как Фенчёрч-стрит Стейшен или Миллуолл-Джанкшн, но они нас спасали, без них мы потерялись бы в гуще улиц Восточного Лондона. Во второй половине дня мы были свободны и знакомились с достопримечательностями города. Особенно меня поразили его музеи с богатейшими коллекциями. Вечером мы были постоянными посетителями театральных касс, и я прекрасно помню замечательный мюзикл «Красавица Нью-Йорка». Конечно, мы посещали скачки и видели искусство жокея Тэда Слоана, который изобрел новую «американскую посадку» (для жокея на лошади), вскоре ее переняли в Англии и в континентальной Европе.

Я познакомился с любезным и интеллигентным Р. Н., офицером. Именно он предложил мне попробовать новый для меня напиток – коктейль из виски с лимонным соком. Мне он понравился своим необычным вкусом и, как мне показалось, был довольно легким. Вскоре после этого во время посещения мюзик-холла в перерыве в баре я встретился с друзьями, и мне предложили выпить, а так как я не знал названий напитков, то выбрал виски с лимоном. Когда мы отправились ужинать, мир стремительно закружился вокруг меня. Я быстро удалился в отель и на три дня отменил все развлечения. У нас часто бывали проблемы с деньгами, и тогда мы посылали нашим уважаемым отцам письма с пометкой SOS. Все дело было в том, что мы были расточительны из-за нашего незнания местной жизни. Мы могли бы брать более дешевые билеты в театр или вместо того, чтобы нанимать двухколесный кэб, могли бы поехать на конке вместе с элегантно одетыми пассажирами; этим видом транспорта в то время не пренебрегал и сам премьер-министр.

Кроме этих развлечений мы, лейтенанты, и наши начальники, два капитан-лейтенанта, не принимали никакого участия в общественной жизни Лондона. Даже с нашим посольством мы общались через нашего морского атташе. От тех прожитых в Англии лет у меня остались самые приятные воспоминания. У меня, венгра, до сих пор сохранилось глубокое чувство симпатии к британской нации и твердое убеждение, что два наших народа разделяют одни и те же передовые идеалы.

После завершения новых испытаний мы отправились домой в обратный путь. Первой остановкой был французский порт Брест. Когда поздно вечером я вернулся из города в порт, то не обнаружил «Боа» на прежнем месте. Через некоторое время я увидел тот самый кран на пирсе, возле которого пришвартовался наш корабль. А затем я увидел и «Боа» в глубине гавани. Всему виной был необычайно высокий прилив в Бресте, вода поднималась до более 12 м. Ранее я не встречался с таким явлением, в Пуле уровень моря повышался всего на несколько сантиметров.

На нашем обратном пути погода была неблагоприятная, Бискайский залив бушевал. Волны перекатывались через палубу, и на протяжении четырех дней не было и речи о горячей пище. Старались только не сбиться с курса. Мы вздохнули с облегчением, когда на горизонте возник Лиссабон: наконец-то можно было отдохнуть и познакомиться с этим прекрасным городом. Чтобы добраться до Синтры, где находился древний замок рода Браганса, пришлось нанимать лошадей. Вдоль южного побережья тянулись рыбацкие поселки. Я и не подозревал, при каких обстоятельствах мне придется оказаться в Лиссабоне во второй раз.

Мне вспоминается посещение оперы, когда в ложе находился король Португалии. Я был удивлен тем, как мало на него обращали внимание, а когда среди публики появился известный матадор, зал взорвался бурными овациями.

Хотя для всех небританских судов было обычным вставать на открытом рейде, командующий флотом метрополии адмирал князь Баттенберг сообщил нам, что по причине плохой погоды мы можем встать на якорь в защищенном месте неподалеку от его флагманского корабля «Мажестик». Он был настолько любезен, что пригласил нас на корабль и показал его нам до последней снасти.

После визитов в Алжир, Палермо и на остров Корфу мы вернулись в Пулу. Мне сразу же было поручено заняться подготовкой матросов. Я не могу сказать, что это вызвало у меня приступ энтузиазма, но у меня не было повода жаловаться. Всего несколько месяцев спустя я был назначен, к своему удивлению, капитаном на «Артемисию». Это был парусник, сошедший со стапелей полтора века назад, и одним из моих предшественников на нем был капитан Тегет-хоф. Это был очень маневренный корабль, один из трех кораблей с экипажами исключительно из юнг. Наиболее способные из них были отобраны в училище для подготовки на должности младших офицеров.

Когда я получил назначение в училище в Шибенике, первый офицер сообщил мне, что есть у них один учащийся, к которому они никак не могли найти нужного подхода. Он был сыном зажиточного венгерского фермера; у мальчишки, начитавшегося книг о море, сложилось романтическое представление о службе на флоте. Действительность оказалась иной, чем он ее себе представлял. Окружавшие его люди не понимали его родного языка, и он отказывался выполнять приказы. Во время занятий в море он бросил грести, и сразу же получил пощечину, и в ответ на это прыгнул в воду. Он не умел плавать, и его еле спасли. Мне предложили заняться с ним.

Прибыв на корабль, я узнал, что курсанта подвергли наказанию: он должен был стоять на вантах в течение шести часов без пищи и воды. Я велел привести его и сказал ему, что он может оставить училище и я подготовлю все бумаги, необходимые для его отчисления. Однако это займет некоторое время, а пока он должен выполнять все приказы, иначе ему будет только хуже. «Разве ты не понимаешь, – сказал я ему, – что военно-морской флот Австро-Венгрии не может капитулировать перед одним своевольным кадетом?»

Он понял и обещал выполнять все приказы и распоряжения, и он сдержал свое обещание. В течение всего лишь нескольких месяцев он овладел немецким, итальянским и отчасти хорватским языками и добился больших успехов в учебе. Когда пришло разрешение, он не захотел им воспользоваться. Я и позже продолжал следить за его успехами. После двенадцати лет безупречной службы он стал шкипером на пароходе, ходившем по Дунаю.

После возвращения из учебного похода я, к моему удивлению, обнаружил, что в Шибенике меня уже ждал приказ, назначавший меня начальником училища на ближайший год. Я был в отчаянии. Шибеник, конечно, был живописным городком, но наслаждаться в течение года его красотами, сочетая это занятие с преподаванием, означало для меня заживо похоронить себя, что меня нисколько не привлекало. Однако странным для меня было ощущать, что мне все же понравилась преподавательская работа. И меня нисколько не обрадовало, когда спустя четыре месяца я получил неожиданный приказ явиться для продолжения службы в военно-морской департамент министерства обороны в Вене. Я уезжал из Триеста на пароходе, и воспитанники училища сопровождали меня некоторое время в лодках в качестве эскорта.

Я стал работать переводчиком: мне был поручен перевод с немецкого на венгерский язык текста бюджета военно-морского флота. Я также выполнял обязанности переводчика на совместных рабочих заседаниях делегаций австрийского и венгерского парламентов. Точный перевод – всегда ответственная и сложная задача. Поскольку венгерский язык наряду с финским и турецким относятся к урало-алтайской языковой семье (научный взгляд конца XIX – начала XX в.)¹⁵, а немецкий, английский, французский и итальянский – к индоевропейской языковой семье, возникали специфические трудности перевода. Невозможно давать его дословно, и переводчик должен был прослушать речь до последнего слова, прежде чем начать переводить.

---

¹⁵ В настоящее время выделяют уральские языки (семью языков, включающую финно-угорскую и симодийскую ветви) и алтайские языки (семью, включающую тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, корейский язык, японо-рюкюские языки). Венгерский язык относится к финно-угорским.

В конце обеда, который дал его величество делегатам в Мраморном зале Королевского дворца в Будапеште, когда подали кофе, я оказался за одним столом с графом Тиса, премьер-министром, старым другом нашей семьи, и несколькими ведущими венгерскими политиками. Разговор зашел о Хорватии, и поскольку я хорошо знал эту страну и ее народ, то высказался несколько критически по поводу проводимой в отношении ее политики. Я рискнул предположить, что было бы гораздо лучше, если бы Хорватия, Далмация, Босния и Герцеговина, страны одного языка, объединились в одно государство. В любом случае следовало бы избегать мелочных провокаций против хорватов. В качестве примера я привел такой факт: все указатели на железнодорожных станциях Хорватии даны только на венгерском языке. В таких обстоятельствах даже самые необходимые меры, предпринимаемые правительством, особенно в области финансов, были обречены. Однако мои собеседники заявили, что подобные предложения могут не найти отклика в парламенте. Когда в 1918 г. во время уличных беспорядков император Карл обратился к графу Тисе с просьбой лично расследовать их причины, тот попросил командование флота выделить ему корабль для того, чтобы добраться до Каттаро (Котора). Я приказал выделить ему наш самый быстроходный эсминец и своего флаг-капитана Вуковича в качестве адъютанта и переводчика. Вуковичу я вручил письмо для графа, в котором я напомнил ему о том прошлом разговоре и выразил свои опасения, что многолетняя пансербская пропаганда сведет на нет предпринимаемые им усилия и заставит хорватов принять противоположную точку зрения. Вукович, который был рядом с графом на протяжении всей его поездки, привез мне от него обширный ответ, написанный в Будапеште. В нем Тиса рассказывал о своих впечатлениях и с сожалением подтвердил мою правоту. Положение в Сараево он описывал как особенно безнадежное.

Заседания делегатов закончились, надобность в моих услугах отпала, и я провел предоставленный мне отпуск дома. Мне было тогда 32 года. Я начал подумывать о женитьбе, но затем, как мне казалось, окончательно решил, что морской офицер не должен связывать себя узами брака. Однако эта тщательно выстроенная теория сразу же терпит крах, как только ты встречаешь того единственного человека, без которого ты не представляешь свою жизнь.

Я намеревался навестить сестру в Мишкольце, однако, когда я вышел на вокзальную платформу, меня встретил мой зять, гусарский полк которого был расквартирован в городе. Моя сестра, как оказалось, уехала в Будапешт. А он сам получил приглашение от старых друзей моего старшего брата приехать к ним в гости и не мог отказать им. Почему бы нам не поехать туда вместе? Подумав, что визит займет всего лишь один день, я согласился. Я был сильно удивлен, когда на станции нас встретил экипаж, что свидетельствовало о том, что путь до пункта назначения был не совсем близким. И это так и было. Мне следовало бы отказаться от поездки в Хейёбаба. Ситуация была довольно неловкой, у меня сложилось впечатление, что, несмотря на сердечность встречи, хозяин поместья, его жена и ее удивительно красивая младшая сестра были несколько ошарашены, когда увидели совершенно незнакомого морского офицера, вышедшего из экипажа. Я попросил прощения за невольное вторжение, но они и слышать не хотели никаких оправданий, и в итоге я провел в Хейёбаба три счастливейших дней.

Случай это был или вмешалась сама судьба? Этот визит был поворотным в моей жизни. На Масленицу я отправился в Мишкольц. Хозяйкой бала была очаровательная госпожа Мельцер, принимавшая меня в Хейёбаба. Еще неотразимее была ее милая сестра Магда Пургли, равной которой в вальсе не было. На следующий год обе женщины и моя сестра попросили сопровождать их в путешествии в Венецию. Хотя я считал себя неготовым для выполнения этой миссии, так как никогда там не был, все же подумал, что мое знание итальянского окажется полезным. И я, не колеблясь, принял предложение. После незабываемой счастливой недели я принял окончательное решение, и после того, как получил согласие моей Магды, единственное, что мне оставалось делать, — это просить разрешения отца. Однако его взгляды на женитьбу морского офицера были теми же самыми, что и у меня до недавнего времени. Все же он поз-

волил себя уговорить, и мы вместе с Магдой отправились в поместье моего будущего тестя для празднования помолвки.

Я стал капитаном миноносца «Шпербер»¹⁶, но вскоре приказ о назначении был отменен, и я в сопровождении близких мне людей выехал в Арад, и там 22 июля 1901 г. с традиционным венгерским размахом Магда и я обвенчались. Мы намеревались провести медовый месяц в Земмеринге.

Даже в те дни было нелегко найти дом в Пуле, главной австро-венгерской военно-морской базе. После рождения первого ребенка, девочки, мы построили свой дом с садом и чудесным видом на море. В этом доме родились другие наши дети – девочка и два мальчика.

Я был капитаном миноносца «Краних», который был учебным кораблем; на нем проходили подготовку матросы машинного отделения. Обычно я возвращался домой каждый вечер в шесть часов. Спустя полгода мне поручили командовать флотилией миноносцев, и мне пришлось расстаться с женой на несколько месяцев. Затем меня поставили командовать флагманским кораблем «Гамбург» нашей средиземноморской эскадры. На нем мы отправились в поход. Нашей первой остановкой была Смирна, современный Измир. Будущий великий визирь Камиль-паша нанес нам ответный визит после того, как его посетил наш адмирал. Паша был одет в шитый золотом сюртук и выглядел импозантно; он показался нам весьма приятным человеком.

В войнах с турками, которые велись в XV–XVIII вв., венгры часто одерживали важные победы, но судьба нашей страны была определена на 150 лет вперед после страшной битвы при Мохаче в 1526 г., закончившейся катастрофой. Тогда 25 тысяч венгров противостояли 200 тысячам турок¹⁷. Венгерские юноши вывозились в Константинополь на службу султану, и там из них формировался элитный корпус янычар¹⁸. Но к началу XX в. о старой вражде было забыто. Магьяры и турки научились с уважением относиться друг к другу. Немецкий дипломат Франц фон Папен однажды рассказал мне, что вплоть до того дня, когда он покинул Анкару, в немецком посольстве хранилось полтора миллиона марок в золоте и валюте. Они поступили от Риббентропа с целью подкупа известных турецких политиков и привлечения их на сторону Германии. Но фон Папен слишком хорошо знал турок, чтобы использовать такие бесчестные приемы; он прекрасно сознавал: подобная политика может серьезно повредить делу Германии, что не всегда понимали в Берлине.

Смирна в то время, когда наша эскадра посетила ее, была богатым и процветающим торговым городом, центром экспорта табака, инжира и шерсти ангорской козы. Торговлю вели, как и во многих других средиземноморских портах, греки.

Постоянный дефицит денежных средств заставлял турок систематически прибегать к европейским займам. В Париже было организовано специальное учреждение по управлению государственным долгом Османской империи – *Dette Publique Ottomane*. Великие державы использовали его для оказания политического давления на Турцию, которая получила статус несостоятельного должника. Когда действия держав ни к чему не привели, они решили подкрепить свои требования демонстрацией морской мощи. В 1903 г. в замке Мюрцштег состоялась встреча царя Николая II с кайзером Вильгельмом II, позже к ним присоединился император Франц-Иосиф I. Было подписано Мюрцштегское соглашение, которое предусматривало,

---

¹⁶ Строился фирмой «Шихау». Водоизмещение нормальное 78 тонн, полное 93 тонны. Длина 39,9 м, ширина 4,8 м, осадка 1,9 м. Мощность паросиловой установки 970 л. с., скорость до 19,4 узла. Вооружение: 2 торпедных аппарата (носовой и палубный), 2 37-мм пушки.

¹⁷ В Мохачской битве у венгерского короля Лайоша II было 25 тыс. воинов (треть из которых чешские, итальянские, немецкие и польские наемные тяжелые конные воины) и 80 орудий. У турецкого султана Сулеймана I Кануни было 100 тыс. воинов и 300 орудий. В битве погибло все венгерское войско, включая короля, пленных турки не брали.

¹⁸ Все же большинство янычар было из отнятых в детстве мальчиков славянского происхождения, которых турки воспитывали в духе ненависти ко всем нетурецким народам.

в частности, проведение реформ в Македонии. Поскольку Австро-Венгрия, имевшая соседом Турцию, была наиболее заинтересованной в балканских делах, наш броненосный крейсер «Святой Георгий», я был на нем офицером торпедного отделения, стал флагманским кораблем интернационального флота, который собрался в Пирее. По два корабля для него выделили Австро-Венгрия, Великобритания, Франция и Италия; канонерскую лодку – Россия. Германская империя осталась в стороне. Нашим главнокомандующим был вице-адмирал Риппер, энергичный, но крайне осторожный, хотя и не имевший опыта организации взаимодействия с иностранными судами. Он приложил все усилия к тому, чтобы эскадра действовала слаженно, и внимательно следил за выполнением каждым командиром своих обязанностей. Целью нашей первой операции стала Митилена (Митилини) на острове Лесбос. Как только мы подошли к берегу, был дан приказ: действовать так, как если бы началась война. Десант возглавил первый офицер британского броненосного крейсера «Ланкастер». Я был комендантом пункта высадки морского десанта и переводчиком. Мы не встретили никакого сопротивления. Турки бездействовали и вели себя так, как будто нас не существовало. Был также занят Лемнос. Так как султан никак не реагировал, вице-адмирал Риппер решил идти в Дарданеллы. Многие командиры придерживались мнения, что это было опасное предприятие, потому что там была мощная система обороны. Они заявили, что им требуются консультации с правительствами своих стран. Все полученные ответы были отрицательными. Тогда в дело вмешались наши дипломаты, которые нашли удачное решение вопроса. Мы вернулись в Пулу в самый канун Рождества.

Мне было суждено еще раз увидеть Константинополь. После службы на берегу меня назначили командиром яхты «Лакрома», принадлежавшей графу и адмиралу Монтекукколи, а затем я стал капитаном «Тауруса». Я принял судно в Топхане 8 июня 1908 года, спустя семнадцать лет после моего первого посещения Константинополя.

Во время очередного пятничного посещения султаном мечети наш посол граф Паллавичини представил меня султану Абдул-Хамиду II. Он произвел на меня впечатление человека чрезвычайно подозрительного и ограниченного, самодержца, который отказывался признаваться даже самому себе, что власть уходит из его рук. Когда посольская яхта шла в рейс, для того чтобы пройти через Босфор или Дарданеллы, капитану необходимо было получить разрешение, подписанное самим султаном. Добиться этого было крайне сложно. Одной из странностей султана была его боязнь электричества в любом виде, будь то электрическое освещение или энергия уличного трамвая. Говорили, что страх его объясняется тем, что, услышав однажды слово «динамо», он подумал, что это как-то связано с динамитом.

Даже нам было ясно, что Османская империя катится в бездну. Несколько недель спустя после моего приезда вспыхнул мятеж младотурок. 23 июля в Салониках Энвер-бей восстановил Конституцию 1876 г., которую Абдул-Хамид II отменил вскоре после своего восшествия на престол. Когда Энвер-бей и Ниязи-бей подняли вооруженный мятеж, султан немедленно отдал приказ арестовать и повесить их. Великий визирь был принужден сказать ему, что его власти для этого недостаточно. Было обещано провести выборы, которые поставили Вену в трудное положение. Для того чтобы предотвратить проведение выборов в Боснии и Герцеговине, которая, хотя и была оккупированной, все еще продолжала быть частью Османской империи, власти дуалистической монархии (Австро-Венгрии) 5 октября 1908 г. провозгласили присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Она получила статус *corpus-separatum* (регион, который имеет особый правовой и политический статус, но не является независимым), в то время как санджак Нови-Пазар возвращался Турции.

Дипломаты плохо подготовили аннексию Боснии и Герцеговины. Великобритания заявила протест, так как, по ее мнению, это нарушало условия Берлинского договора 1878 г.; Сербия и Черногория грозили войной. Турция начала бойкот нашего экспорта, который значительно осложнил положение, так как Австро-Венгрия была в то время основным экспорте-

ром и импортером турецких товаров. Наши пароходы простаивали в отсутствие грузов, их не загружали углем, и австрийские фирмы в Константинополе подвергались остракизму.

Я, продолжая исполнять обязанности капитана посольской яхты, считал, что это наносит удар по престижу нашей страны. Поэтому я обратился с призывом к нашему послу предпринять решительные меры для перевозки в Турцию товаров, скопившихся на складах Ллойда в Триесте. Граф Паллавичини спросил меня, что я намерен предпринять в случае возможного столкновения с отрядами вооруженных курдов, которые препятствовали перевозке товаров. Я ответил, что тогда прибегну к помощи канонерских лодок и вооруженной охраны.

– А что, если они начнут в вас стрелять? – спросил он с озабоченным выражением лица.

– Тогда мы ответим им тем же.

– Но это может привести к войне, а нам необходимо во что бы то ни стало избежать ее.

В конце концов он согласился на мое предложение, но попросил действовать с крайней осторожностью. Все прошло гладко, курды предпочли не вступать в бой.

Германия патетически заявила, что, если потребуется, она окажет поддержку Австро-Венгрии, и великие державы, а затем и Турция в феврале 1909 г. пошли на компромисс в вопросе аннексии. Победа не была окончательной, как стало понятно несколько лет спустя, но мы об этом еще не знали.

На светскую жизнь Константинополя политические события никак не повлияли. Мы с женой и четырьмя детьми жили на вилле в Еникее на берегу Босфора рядом с летней резиденцией нашего посольства. Приемы, соревнования парусных яхт, матчи в поло, балы и тому подобные развлечения делали нашу жизнь приятной и разнообразной. Я выписал себе яхту из Пулы и принял участие в регате; в конце сезона я даже выиграл первый приз. Дважды в неделю мы играли в поло на большом лугу в Бююкдере, на том месте, где некогда Готфрид Бульонский и его крестоносцы разбивали свои шатры. На стамбульской площади Ат-Мейданы¹⁹ я приобрел чудесного арабского жеребца, невысокого в холке, но очень быстрого, который принес мне победу в скачках на короткую дистанцию. Я также выиграл в напряженной борьбе Гран-При-дю-Босфор; нас, соревнующихся, было 12 человек. Представитель концерна Круппа попросил меня выступить на его лошади, и я упорно тренировался, следуя инструкциям моего брата Иштвана, которые он мне передавал в письмах. В то время Иштван был чемпионом в одном из видов конного спорта. В скачках с препятствиями участвовал князь Колонна, кузен жены итальянского посла; его лошадь упала и сломала шею, а ездока в бессознательном состоянии вынесли с ипподрома. К счастью, я оказался поблизости, и мы, не теряя времени, перевезли его на паровом катере в итальянское посольство. Через несколько дней мне стало известно, к большому моему облегчению, что жизнь князя Колонны вне опасности. Двадцать шесть лет спустя я встретил его в Венгрии как итальянского посла.

После значительных успехов в спорте я твердо решил выступить за Венгрию в международном турнире по теннису и выиграть. Когда мой первый офицер был переведен на другую должность, я предложил на его место кандидатуру лейтенанта Арваи, и не только потому, что он был прекрасным моряком. Этой весной он занял первое место в турнире по теннису среди военнослужащих нашей армии и флота. Однако капитан судна британского посольства имел те же намерения, и он взял себе в помощники чемпиона армии и флота по теннису. Его мы не смогли победить в одиночном поединке, но нам удалось одержать победу вдвоем с Арваи в противостоянии с англичанами.

Я до сих пор вспоминаю, как мы гордились нашими победами, и я ощущаю те же чувства, что переполняли меня тогда.

Как было заведено, на зиму посольства возвращались в город. Мы поднимали якорь и шли на стоянку у Топхане, артиллерийского арсенала.

---

¹⁹ На месте ипподрома, построенного при Константине Великом в IV в.

После начала работы парламента политическая жизнь страны вернулась в относительно мирное русло. Султан Абдул-Хамид II, который никогда до этого не осмеливался выезжать за пределы дворца Йылдыз, не считая расстояния в несколько сот метров, отделявших его от мечети, теперь начал проявлять интерес к жизни народа. Он явился в Стамбул и был встречен его жителями с должным почтением. Все же он не мог отказаться от абсолютной власти, и его великому визирю Камиль-паше, который поддерживал Конституцию и парламентскую систему, приходилось нелегко. Он не мог повлиять на султана, чтобы тот своими действиями не провоцировал мятеж против своей власти, подготовку которого, по иронии судьбы, он невольно доверил недостойному сыну достойного Камиль-паши.

К нам приехали в гости мой тесть и свояк с женой, и я наметил поездку в Стамбул, чтобы они могли посмотреть мечети и посетить городской базар. В намеченный нами день нас разбудили утром частые выстрелы. Магазины были закрыты, и по улицам в одиночку и группами бродили солдаты. Я пытался выяснить в посольстве, что происходит. Все, что они могли мне сообщить, — это то, что орудия размещаются на мосту, перекинутом через Золотой Рог и соединявшем Галату со Стамбулом. Мы решили выйти из города и направились к Эюпу, но близ дворца Долмабахче улицу перегородил отряд конницы. Офицер подошел к нашему экипажу и попросил нас повернуть назад. Он был сыном Джемиль-бея, который был длительное время турецким послом в Париже. Мы познакомились с ним на официальных приемах. Он знал не больше, чем работники нашего посольства, что в действительности происходит. Вероятно, восстали отдельные воинские части, и его полк получил приказ перекрыть дороги, ведущие к дворцу Йылдыз. Он поручил одному офицеру проводить нас домой.

Во второй половине дня некоторые офицеры были арестованы своими солдатами; многие были убиты. Джемиль-бею удалось уговорить своих людей сложить оружие, но сам он предпочел спастись бегством. Мятежники направились к резиденции парламента и потребовали отставки правительства. Командующий генерал Махмуд Мухтар-паша попросил у султана разрешение открыть огонь, но не получил ответа. После того как министр юстиции и морской министр были застрелены восставшими, он позвонил снова, заявив, что оставшиеся лояльными ему части начнут колебаться, если не начать действовать сразу и решительно. Ему было категорично запрещено прибегать к оружию.

Махмуд Мухтар-паша написал мне послание с просьбой спасти Джемиль-бея и сообщить ему, где он скрывается. Когда наступила ночь, я послал моторную лодку с офицером с заданием установить связь с Джемиль-беем, что ему удалось сделать, и перевезти его на «Таурус». Мы переодели его в форму морского инспектора. Двумя днями позже он смог уехать в Триест на одном из пароходов Ллойда вместе с женой и ребенком, которых я тоже перевез на борт своего судна.

Получив сообщение, что Константинополь находится в руках мятежников, командующий войсками в Салониках Махмуд Шефкет-паша двинул свои войска на город, чтобы очистить его от них. Он разбил лагерь под стенами города и стал следить за развитием ситуации, надеясь действовать так, чтобы пролить меньше крови. Тем временем я послал отряд матросов для охраны посольства. Утром я получил сообщение, что рота турецких войск движется к посольству, и я сразу же поспешил туда. Оказалось, что это были кадеты, которых Шефкет-паша послал охранять посольство. Вместе с нашим военным атташе я часто выезжал из города, чтобы понаблюдать, чем занимаются осаждавшие. Офицеры, конечно, хотели узнать, что происходит в городе; мы спрашивали их, когда они намерены атаковать, но они и сами не знали. Распространился слух, что Махмуд Шефкет-паша ждет пятничного намаза, на который собирался весь гарнизон.

Напротив мечети, к которой султан обычно подъезжал в экипаже с великим визирем, сидевшим напротив султана, стояло здание с большими зеркальными окнами. Представители иностранных держав могли, не выходя из здания, наблюдать за торжественными церемониями

и войсковыми парадами. На этот раз все прошло без происшествий. В любом случае ни один офицер не участвовал в параде; во главе всех полков были ветераны, старики-бородачи из низших чинов. Как обычно, в экипаж султана были запряжены лошади липицианской породы, которые были подарены нашим монархом; но на этот раз паши не шли рядом с экипажем, как это было принято.

Наконец день атаки настал. Нас разбудил гром орудий, и я сразу же направился в посольство. Граф Паллавичини рассказал мне, что ружейная пуля ударила в стену над его кроватью и рикошетом задела его руку. Хотя бои происходили у арсенала, мне удалось попасть на «Таурус». Вскоре прибыл корабельный врач. Когда он плыл в лодке к кораблю, вокруг него начали свистеть пули, на излете падая вокруг него в воду, и тогда он, словно спасаясь от дождя, раскрыл свой зонт, чем сильно нас рассмешил.

К полудню исход сражения был ясен всем. Генералу Хуссейну Хюссни была поручена деликатная миссия – сообщить султану, что он низложен, которую он выполнил с величайшим искусством. Он сказал султану, что пришел спасти ему жизнь и что специально подготовленный обоз ждет его, чтобы перевезти его вместе с гаремом в Салоники. Султан имел обыкновение пополнять свой гарем новыми обитательницами каждый год на праздник Курбан-Байрам, и новая жена и ее одалиски селились во дворце Йылдыз. По оценкам, надо было перевезти около трехсот жен. Остались в городе всего тридцать три.

27 апреля 1909 г. парламент провозгласил султаном Решада, брата Абдул-Хамида, под именем Мехмеда V. Шторм утих, и снова все успокоилось. Мир и порядок были восстановлены. Была введена всеобщая воинская повинность, и генералу фон дер Гольцу было поручено провести реорганизацию турецкой армии.

Не было объективных причин, чтобы «Таурус» не смог отправиться в обычное весеннее крейсерство. Мы прошли Одессу и Варну, затем через Сулинское гирло вошли в Дунай и поднялись до Галаца. На обратном пути мы зашли в Константинополь и, миновав Салоники, доплыли до Пирея, где стояла наша эскадра. На «Таурусе» побывал с инспекцией командующий эскадры.

После возвращения я узнал, что в мое отсутствие пришло письмо; меня спрашивали, готов ли я занять должность адъютанта его величества. Адмирал граф Монтекукколи хотел ходатайствовать о моем назначении. Я ответил телеграммой, что считаю подобное предложение большой честью, но в глубине души мне было жаль расставаться с Босфором. Я не был расстроен, когда узнал, что эту должность временно занял офицер Императорского стрелкового полка. В любом случае у меня еще было несколько месяцев в запасе.

Старина «Таурус» был колесным пароходом, построенным специально для плавания по Дунаю. Боевые возможности его были нулевыми и, более того, на борту не было предусмотрено помещения для посла, когда у него появлялась необходимость отправиться в инспекционную поездку. По этой причине я доложил начальству, что стоит подумать о приобретении подходящей яхты, что было воспринято с пониманием. Была приобретена французская яхта, отвечавшая всем требованиям.

Таким образом, мне было суждено стать последним капитаном «Тауруса». С тяжелым сердцем я покидал Константинополь, где я провел, если не считать временного моего отсутствия, два с половиной года. Я узнал турок в различных обстоятельствах, и они стали мне близки. Это люди сильного и благородного характера, они замечательные солдаты²⁰.

Расстаться с послом Паллавичини было тоже нелегко. Я уважал его за благородство, знал его как умного и знающего дипломата. В трудные дни революционных потрясений мно-

---

²⁰ У турецких солдат были свои сильные и слабые стороны. В основном выходцы из крестьян, они были выносливыми. Однако, быстро впадая в панику после первой неудачи, теряли боеспособность. Хороши были в обороне укрепленных позиций. Как правило, были биты русскими войсками и генералами в открытом бою, но крепости могли долго удерживаться, отбивая штурм. Совсем не благородно, зверски вырезали мирное население, а зачастую и пленных.

гие дипломаты были готовы предоставить ему возможность играть ведущую роль в политике. После смерти фон Эренталя пост министра иностранных дел был предложен Паллавичини, однако он выдвинул условия, которые Вена посчитала неприемлемыми. Будь он в то время в здании на Бальхаусплац, до войны, по моему мнению, дело бы не дошло. Однако был назначен фон Берхтольд.

Два месяца спустя после того, как я был назначен главным офицером-координатором на корабль «Император Карл VI» в Каттаро (Котор), состоялось мое назначение адъютантом Франца-Иосифа. Я попрощался с морем, и свежий морской бриз сменил душный воздух города и венского двора.

Глава 3

Адъютант императора Франца-Иосифа I. Венский двор, 1909–1914 гг.

Его величество имел четырех адъютантов по числу видов вооруженных сил. Первым среди адъютантов, представлявших военно-морской флот, был мой капитан «Сайды», а впоследствии адмирал Закс фон Хелленау.

Я был одновременно счастлив и горд, когда оказался в ближайшем окружении нашего императора, любимого и уважаемого всеми человека. Но те люди, кто видит только внешнее великолепие моей службы, глубоко ошибаются. Служба при дворе, совсем не похожая на прежнюю флотскую, принесла с собой немало трудностей.

Первым делом я представился своему начальству, первому генерал-адъютанту его величества графу Паару. Он занимал свою должность много лет и из всех членов штаба его величества был одним из тех, кто, без сомнения, был ближе всех к нему. Обладая присущим аристократам обаянием, он сделал мне ряд важных намеков и дал много дружеских советов и направил меня к старшему адъютанту, драгунскому полковнику барону Бронну, который был сыном князя Гогенлоэ от морганатического брака. Поэтому в связи с традицией его семейства он не мог носить фамилию своего отца. Три года спустя ему пожаловали титул князя Вайкерсхайма. Вместе с женой графиней Чернин и детьми он жил размеренной и гармоничной жизнью и был счастлив. Вторым адъютантом был граф Хайнрих Ойос, подполковник драгунов Виндишгреца. Его мать была сестрой графа Паара. Это был жизнерадостный человек, всегда готовый пошутить, он был любим всеми. Он был страстным охотником и хорошим стрелком, и поэтому для меня было большим удовольствием ходить с ним на охоту. Третьим адъютантом был подполковник императорского стрелкового полка графа Манцано.

Я также должен был представиться второму генерал-адъютанту барону Артуру Больфрасу, который много лет возглавлял военную канцелярию его величества. У него был очень ответственный пост: в его компетенции было представлять его величеству кандидатуры для назначения на важные армейские должности. Его глубокое знание людей и трезвость суждений делали его незаменимым в этом деле; кроме того, он был человеком большого ума и добрейшей души. Его удивительно отчетливую дикцию его величество очень ценил и не увольнял его, несмотря на преклонный возраст. Военная канцелярия располагалась в императорском дворце, и кроме барона и его помощника там трудились девять или десять работников Генерального штаба. Советником по венгерским делам был тогда штабной капитан барон Ланг.

Во время моей адъютантской службы император Франц-Иосиф имел резиденцию в Шёнбрунне. Дважды в неделю в сопровождении адъютанта он отправлялся в Хофбург, императорский дворец в Вене, к семи часам утра и принимал посетителей. Возвращался он обычно вечером в половине пятого.

Мы, адъютанты, имели официальную резиденцию в Хофбурге, здесь мы работали; подобно этой была также резиденция в Шёнбрунне, где пребывал дежурный адъютант.

Вскоре после моего представления графу Паару было решено представить меня и императору, встречу с которым я ожидал с необычайным волнением. Со времени моей ранней юности вокруг меня велись разговоры об императоре, как о всемогущем недоступном простому смертному властителе, царящем в высших сферах. Теперь мне предстояло встретиться с ним лицом к лицу и ежедневно встречаться с ним на службе. Когда я вошел в его кабинет, его величество сделал мне несколько шагов навстречу. Он был одет в генеральский мундир. Я никогда не встречал человека, в образе которого воплотились бы характерные черты монарха в такой степени, как во Франце-Иосифе. У меня не было впоследствии причин менять свою точку зре-

ния. Он держался с королевским величием без всякой искусственности, так что посетители невольно держали дистанцию. Я сразу же почувствовал, как все мое замешательство испарилось перед его добротой и приветливостью. Для меня эта встреча с седовласым правителем стала важнейшим событием в моей жизни. Созерцая его облик, на который наложило свою печать бремя тяжких государственных дел и трагическая судьба его близких, я начинал ощущать все большее сочувствие и близость к нему; чувства эти я сохранил навсегда. Из вопросов, что он задавал мне, я понял, что ему хорошо известно о моем происхождении и карьере. Даже сейчас я вижу доброе выражение его голубых глаз и слышу интонацию его голоса. Когда он отпустил меня – аудиенция длилась около десяти минут – и я покинул его кабинет, я был в состоянии экстаза и готов был верой и правдой служить своему государю и даже отдать за него жизнь.

Дежурства адъютантов были организованы таким образом, что в течение месяца их сменяли в определенном порядке. В последний день каждого месяца за адъютантом приезжал придворный экипаж, чтобы отвезти его в Шёнбрунн, где он, сменив предыдущего дежурного, принимал на себя выполнение обязанностей в службе дворцовых апартаментов. Лично сам император отпускал дежурного адъютанта в 6 часов вечера. Третий адъютант уходил в месячный отпуск, в то время как четвертый оставался в резиденции для выполнения специальных поручений. Например, сопровождать гостей его величества.

Я не знаю, как эта служба организована при других дворах, но в Вене, по крайней мере, адъютантам не давали письменных инструкций. Их поведение и обязанности диктовались устной традицией, а это говорило о том, что не все так однозначно и просто в работе адъютантов. Если кто-то из них задавал конкретный вопрос, то обычно получал ответ: «Вы все поймете сами, ничего сложного». Этого мне было недостаточно. Я все же записал несколько ориентировочных вопросов специально для того дня, в который начиналось мое дежурство: «Какой мундир следует надеть для дежурства 1 декабря?», «Надевать ли аксельбанты?», «Требуются ли перчатки?».

«Нет никаких перчаток».

«Почему нет? Перчатки носят во всех случаях, особенно на дежурстве».

Должен ли адъютант постучать, прежде чем войти? К большому моему удивлению, ответ опять был отрицательным.

Я все еще чувствовал себя крайне неуверенно, когда вечером 30 ноября пришел гвардеец и сообщил мне, в каком часу его величество встанет на следующее утро. Это было 4 часа утра.

Его величество иногда вставал в половине четвертого; в последние два года моей службы это было правилом. Мы, младшие офицеры, были в более благоприятном положении в сравнении с нашими сухопутными коллегами, так как на корабле мы привыкли к четырехчасовым ночным вахтам и обычно высыпались перед ними. Если мне не изменяет память, уже в первую ночь я спал великолепно, проснулся рано и, полный энергии, поторопился в комнату для адъютантов на первом этаже, которая отделялась от императорского кабинета барочным залом для приемов. На стол монарху утром клали документы из канцелярии кабинета министров и военного министра. Пока он читал их, нужды в адъютантах, как правило, не было. Когда время близилось к половине девятого, прибывали два генерал-адъютанта. Было девять часов, и адъютант объявлял о том, что пришел граф Паар. За ним появлялся барон Больфрас. Затем могли приехать эрцгерцоги, министры правительства, представители Генерального штаба и другие высокопоставленные сановники с важными сообщениями или докладами. Прием продолжался до завтрака. Потом его величество, обычно в одиночестве, шел на прогулку в оранжерею, после чего он снова приступал к работе, а в половине шестого обычно на его письменном столе сервировали обед. В 6 часов он отпускал своего адъютанта. Никогда за все время службы при дворе ни один адъютант не был задержан или вызван ночью.

Мой первый день прошел удачно и без всяких осложнений. Мои сослуживцы были правы, утверждая, что основное правило нашей работы – это следовать здравому смыслу и быть тактичным. Император был человеком неразговорчивым и предпочитал лаконичные ответы. Однажды адъютант, выйдя из дворца после первого дежурства, почувствовал потребность высказаться. Посмотрев на статую Марии-Терезии²¹, он воскликнул: «Что за великолепное произведение искусства! Это триумф человеческой потребности творить». После прибытия адъютантов в Шёнбрунн император вызвал графа Паара и приказал заменить «этого болтуна» на кого-нибудь более толкового. Другого адъютанта постигла та же участь за то, что он громко щелкал каблуками каждый раз при докладе. Такие вещи были недопустимы при венском дворе.

Общие приемы происходили в императорском дворце. Они начинались в 10 часов, и в списке приглашенных было до пятидесяти имен. В прежние дни их насчитывалось до сотни. Очередность аудиенций находилась в компетенции дежурного адъютанта, по какому принципу он их отбирал, мне было неизвестно. Было бы естественнее воспользоваться услугами эксперта по протоколам, которые первыми получали просьбы об аудиенции. Для офицера было нелегким делом определить, какое место в иерархии придворных занимает то или иное лицо. Он должен был знать, в частности, кто стоит выше или ниже по рангу среди князей, высшего клира, действующих и бывших министров правительства, иностранных сановников и офицерского корпуса. У нас был свод общих правил, но каждое, видимо, имело свои исключения. Тайный советник или гофмейстер, например, шли первыми. Однако если какой-то князь, скажем, из Шварценбергов, не имел статуса гофмейстера, у него не было соответствующего «ранга», и его принимали наряду с остальными.

Получившие приглашение на аудиенцию собирались в зале, их вызывали согласно списку, имевшемуся у адъютанта, и его обязанностью было также объявлять их имена. Два офицера из лейб-гвардейцев, один австриец и один венгр, стояли с обнаженными палашами у двери зала для аудиенций. Каждый из пятидесяти посетителей мог кратко изложить личную просьбу или, что было более обычным, выразить благодарность за полученное назначение или награду. Остальных посетителей принимали во второй половине дня до половины пятого, когда его величество возвращался в Шёнбрунн.

Во время одной из этих поездок в дождливый ноябрьский день мы ехали в закрытом экипаже. Его величество с чувством глубокой признательности посмотрел на дворцовых гвардейцев, стоявших на посту, и сказал: «Этот полк несет службу во дворце впервые, и это самый лучший полк в Вене и один из самых лучших в империи». Мне было лестно слышать эти слова, так как это был 82-й австро-венгерский пехотный полк, расквартированный в местечке Секейудвархей (современный Одорхейю-Секуеск, Румыния). В Первой мировой войне этот полк проявил чудеса храбрости и понес тяжелейшие потери.

Перед началом аудиенции в комнате для адъютантов царило необычайное оживление, и каждый присутствовавший волей-неволей был вовлечен в обсуждение самых разных, зачастую щекотливых вопросов. Я научился рассматривать «проблему национальностей» под новым углом зрения. В ходе обсуждения меня все больше одолевали тревожные предчувствия об имевшем место иностранном влиянии, и я видел, как незаметно теории ирредентизма и сепаратизма проникали в общество. Иногда в разговорах упоминали и о социалистических идеях. Люди, которые высказывали эти идеи, полностью забывали о своем обеспеченном положении. Они хотели, чтобы страной управляли исходя из абстрактной теории, и не могли признать непреложность законов бытия. Им было важно только одно – разрушить существующий порядок. О том, каким будет устройство будущего государства, к построению которого они стремились, они имели самое смутное представление. Если мы, находившиеся в тесном общении с его величеством, и были обеспокоены происходящими событиями – а Боснийский кризис

---

²¹ Мария-Терезия (1717–1780) – австрийская эрцгерцогиня, императрица Священной Римской империи.

1908 г. указал на опасности, угрожавшие монархии, — мы были далеки от пораженческих взглядов, которые в некоторых слоях общества могли существовать. Сила традиции и общие интересы, обеспечивавшие стабильность Габсбургской империи, проявились в самом начале Первой мировой войны. Те, кто утверждал, что империя распадется после первого же дня великой войны, оказались не правы. Военное поражение, которое позволило революционным силам выполнить свою разрушительную работу, не было результатом присущей монархии слабости, но объяснялось подавляющим превосходством вражеской коалиции.

Офицер, а тем более адъютант его величества был не вправе делать политические заявления или давать советы политикам. Только в кругу своих друзей он мог обсуждать необходимость принятия более строгих мер для противодействия панславянской и сербской пропаганде или итальянскому ирредентизму. Вопрос, могли ли эти меры предотвратить роковые исторические события, остается без ответа.

Мы, адъютанты, заметили, что его величество сильно расходится во взглядах со своим племянником, и это не обычное противостояние разных поколений. Но об этом мы поговорим позднее.

Несмотря на свой преклонный возраст, его величество строго выполнял свои ставшие привычными представительские обязанности монарха, среди которых было и участие в торжественных официальных обедах, устраиваемых в честь высокопоставленных гостей или членов дипломатических корпусов. Особенно было велико число приглашенных послов и посланников. Дипломаты собирались в Розовой гостиной в Шёнбрунне и вели между собой беседы, пока не появлялся главный камергер двора князь Монтенуово. Он трижды стучал жезлом в пол, возвещая о появлении его величества. Все разговоры прекращались, и присутствующие выстраивались согласно их рангу. Уже в который раз я наблюдал, какое глубокое впечатление Франц-Иосиф производил на гостей своей величественной осанкой и какой такт проявлял в общении с придворными. Я восхищался им.

Он успевал в течение вечера переговорить с сотней гостей, к тому же на разных языках. Главный камергер негромко называл их имена и страны, откуда они прибыли, и у императора находилось для каждого слово приветствия, и он никогда не забывал о том, что должен был сказать. Это заведомая ложь, что он задавал один и тот же вопрос «Как вам понравилась Вена?», как утверждал граф К. Сфорца, дважды бывший министром иностранных дел Италии, в своей книге «Строители современной Европы», которую он написал в изгнании. В ней он говорит о Франце-Иосифе как о «закостенелом самодержавном правителе, подобном тем, которые правили в XVIII в.». Все это свидетельствует о том, насколько плохо он знал императора Франца-Иосифа.

Его величество уходил с приема около 11 часов, а на следующее утро в обычное время он уже вновь сидел за рабочим столом.

Это не выдумка. Я ручаюсь за свои слова. Франц-Иосиф начинал свой рабочий день в 5 часов утра с прочтения документов, поданных его министрами. Никогда я не видел его в праздности и без работы. Я могу говорить об этом с полной ответственностью, ведь адъютанты входили в его кабинет без стука. Он никогда не дремал после обеда, как обычно делают даже более молодые люди, хотя я уверен, что они не встают в половине четвертого или четыре часа утра. В возрасте 80 лет Франц-Иосиф всегда инспектировал военные гарнизоны в седле, будь то в Вене, Будапеште или Сараево.

Его величество любил музыку и искусство. В то время, когда я был у него адъютантом, Франц-Иосиф уже не посещал оперу или театр. Только однажды в Бад-Ишле он был на премьере фарса, артистизм его актеров заставил его смеяться до слез. Не надо забывать, что в Бад-Ишле начинала свою карьеру примадонна Королевской оперы Мария Ерица.

Его величество всегда лично открывал весеннюю художественную выставку. Он не скрывал, что господствовавший тогда стиль модерн, представителем которого было творческое объ-

единение Венский сецессион, не нравился ему. Я помню, как я первый раз посетил с ним Кюнстлер-хаус (Дом художников). День был холодный, мы ехали в закрытом экипаже, укрыв ноги меховой полостью. Мне предстояло выйти первым. Но что мне было делать с полостью? Его величество, видимо ощущая мою растерянность, незадолго до того, как мы приехали, скинул ее на пол.

На выставке он прошел мимо всех картин в полном молчании, слушая объяснения знаменитого художника. Наконец он остановился перед полотном, на котором был изображен охотничий домик в лесу, и спросил:

– А вот это что нарисовано, рядом с ним? Должно быть, озеро?

Художник не знал, что сказать. Его высочество повторил вопрос и получил краткий ответ:

– Нет, ваше величество. Это лесная поляна.

– Но она голубого цвета.

Художник, приверженец модерна, гордо ответил:

– Так я ее вижу.

На что его величество улыбнулся и заметил:

– В таком случае вам не следовало становиться художником.

Его величество так и не научился созерцать лица, написанные в зеленых или желтых тонах. Однажды, рассматривая экспонаты отдела искусства на охотничьей выставке, он обратил внимание на изображение обнаженной женщины, нарисованное без соблюдения всяких пропорций, и спросил: «Скажите, эти господа рисуют все это вполне серьезно или они просто смеются над нами?»

Читателя может удивить, что в моем повествовании встречаются суждения об искусстве. Но зрение дано моряку не только для измерения расстояний на море, и я тоже пробовал научиться писать кистью и держать палитру в руках. После тяжелой службы на флоте в Вене у меня появилось много свободного времени. Я интересовался музыкальной жизнью столицы и вначале даже подумывал, не заняться ли мне вокалом, но вскоре понял, что я слишком стар для этого. Тогда я обратился к рисованию, но так как ввиду моего положения я не мог посещать академию, то последовал совету дочери главного камергера двора эрцгерцогини Анунциаты и начал ходить в частный класс профессора Майерхофера, который она и другие дамы посещали каждое утро. Профессор представил меня дамам, затем посадил перед мольбертом и дал мне в руки угольный карандаш. Он предложил нарисовать портрет Цезаря, одетого в тогу и с лавровым венком на голове. Сначала я попытался изобразить венок, но это было не совсем то, что я хотел. Взяв кусок ткани, я стер написанное и начал заново, только для того, чтобы снова все стереть. В какой-то момент меня охватило отчаяние, и я подумал, а не отказаться ли мне от моей затеи и не пойти ли мне домой. Но после пятой или шестой попытки в рисунке начало появляться что-то узнаваемое, так что я рискнул начать работать с кистью и писать красками. Удовлетворение, которое я получал от рисования, помогло мне достичь быстрого успеха.

Может быть, именно благодаря полученному мной опыту судовождения мне удавалось передавать изображаемый предмет с предельной точностью и ясностью. Прошло несколько месяцев, и профессор с большой похвалой начал отзываться о моих работах; он сказал, что мне удастся добиваться сходства с большей убедительностью, чем другим его ученикам. Так как мне больше всего нравилось писать пейзажи, натюрморты с охотничьими трофеями и лошадей, я по совету профессора часто посещал Художественный музей, чтобы копировать произведения великих мастеров. Обратной стороной этого занятия было то, что становишься центром общественного внимания.

На протяжении пяти лет почти все свое свободное утреннее время я посвящал рисованию. В завершение моих занятий я решил попытаться нарисовать в Бад-Ишле портрет его величества. Но, конечно, я ничего не сказал ему об этом. Я видел его каждый день за вторым

завтраком в половине третьего. Когда я сидел напротив него, то внимательно изучал черты его лица, запоминал их и переносил на полотно в моем служебном помещении. Два генерал-адъютанта и камердинер императора, которые знали его лучше, чем кто-либо еще, признавались мне, что не видели прежде столь разительного сходства портрета с живым человеком. Я говорю это не для того, чтобы лишний раз сказать о себе. Мне удалось этого добиться, потому что мне стала знакома каждая морщина его лица, каждый жест, ведь я изучал его целыми неделями. Его величество ни разу не позировал портретистам более одного раза, и сеанс длился краткое время.

Однажды первый камердинер старина Кеттерер пришел спросить меня, может ли он взять написанный мной портрет. Его величество желал посмотреть его. Когда в следующий раз я был на дежурстве, император сказал мне, что портрет ему очень понравился. Для меня занятие живописью было воспоминанием о мирном времени. Портрет я взял с собой в Пулу, а после катастрофы я перевез его в Кендереш. В обоих этих местах он пережил по две попытки ограбления, но в результате пятого все же стал жертвой банды грабителей.

Во время моего пребывания на службе его величества дважды приезжал с визитом кайзер Вильгельм II. В первый раз мы встречали его на железнодорожном вокзале. Наш император был одет в мундир германского фельдмаршала. Когда подъехал императорский поезд, Франц-Иосиф непроизвольно выпрямил спину, и сзади его можно было принять за младшего офицера, несмотря на его 80-летний возраст. Мы сели в вагон, доехав до Хитцинга. Император подошел к окну, а затем, отступив назад, воскликнул: «Эту картину я никогда не забуду!» Рядом со станцией стояли двенадцать экипажей, запряженные белыми липицианскими лошадьми; при появлении состава все они повернули свои головы с одинаковыми отметинами на лбу налево в сторону паровоза.

Когда королевский двор Вены посетил король Черногории Никола Петрович, мне было поручено встретить его еще в Триесте, куда он прибыл на нашем судне «Пеликан», которое часто использовали в качестве яхты. Король Черногории прибыл вместе с командирами пехотного полка. Мундир для него пошил искусный венский портной всего за день. Мундир настолько понравился королю, что он носил его постоянно вплоть до возвращения на «Пеликан» в Триесте.

Его визит был удачным. Король имел привлекательную внешность. Заключив выгодный брак, он породнился не только с сербской, но и русской и итальянской династиями.

В 1910 г. сербский король Петр пытался выяснить, насколько желательным был бы его визит. Переговоры по этому вопросу затянулись. Францу-Иосифу не нравилась династия Карагеоргиевичей, которая пришла к власти в результате убийства короля Александра Обреновича в 1903 г. Когда отец Александра Обреновича король Милан был правящим монархом, между Белградом и Веной существовали прекрасные взаимоотношения. Начиная же с 1903 г. Сербия постепенно подпадала под все большее влияние России. Однако сербскому послу сообщили, что его величество примет короля Петра в заранее определенный день в Будапеште. Незадолго до намеченной даты визит был отменен по причине его нежелательности. По моему мнению, об этом можно было только сожалеть. Визит, несомненно, улучшил бы отношения между странами, в то время как отмена его могла привести только к усилению напряженности.

Каждый год в начале июля его величество отправлялся в Бад-Ишль, расположенный близ Зальцбурга в Зальцкаммергуте, исторической области в Верхней Австрии. Он проводил там два-три месяца. Бад-Ишль – тихий и живописный курортный городок с большим количеством минеральных источников. Единственное, что могло досаждалось отдыхающим, так это часто идущие дожди. Императорская вилла была построена в большом парке, здание окружал настоящий высокогорный лес, в котором водились серны. Кругом вздымались горные вершины

высотой около 1500 м и более²². Летняя резиденция его величества словно магнит притягивала представителей аристократии. Их примеру следовали зажиточные фабриканты, которые построили красивые дачи в долине реки Траун. Горный воздух и минеральные источники были целительны для здоровья. И множество людей следовали девизу первооткрывателя источников Бад-Ишля: «Самое большое счастье на земле – не быть здоровым, но иметь возможность обрести здоровье».

Здесь его величество был более свободен от условностей придворной жизни. После утренней верховой прогулки он завтракал, затем работал с документами и принимал посетителей. После прогулки в саду в половине третьего ему подавали обед, на котором присутствовали две его дочери: эрцгерцогиня Гизела с мужем принцем Баварским Леопольдом и их двумя детьми и эрцгерцогиня Мария Валери с мужем эрцгерцогом Францем Сальватором. На обеде также присутствовали граф Паар и дежурный адъютант. Если погода позволяла, то обычно во второй половине дня его величество катался на пони в заповеднике, иногда доезжая до охотничьего укрытия, расположенного вблизи логовища оленя. Император, несмотря на свой возраст, был опытным охотником и прекрасным стрелком. Я предложил использовать новейшие оптические средства наблюдения для лучшего обнаружения дичи, но это было напрасно. Его величество терпеть не мог всех этих новомодных устройств; он был столь консервативен, что остался верен своему старому карабину, предпочитая его современным ружьям.

На протяжении столетий императоры имели право охоты во всех государственных лесах Австрии. В каждой области назначался главный егерь или начальник охоты, который организовывал охоту согласно старым традициям. Мне рассказывали, что загонщики передавали право гнать дичь по одним и тем же охотничьим уголкам от отцов детям. Хотя в горной местности один загонщик, как правило, идет по верху хребта, а другой – внизу в долине, все они выходят из леса, вытянувшись в одну линию.

Несмотря на мой опыт охотника, я должен был многому научиться, пусть даже речь шла об охотничьем жаргоне. Специальными словами обозначали оленьи глаза, ноги, уши. Используя неверное выражение, вы становились предметом насмешек. Мы всегда отправлялись на охоту в местных костюмах – в кожаных шортах например. Я должен был привыкнуть появляться за обеденным столом перед герцогиней с голыми коленями, хотя и знал, что возражений не будет.

В Бад-Ишле мы в основном охотились на серн. Его величество, чье зрение было великолепным, часто первым замечал серну, стоявшую в отдалении на скале. У меня, моряка, зрение было не хуже. Я упоминаю об этом, только чтобы рассказать об одной приключившейся с нами истории. Однажды мы ехали с его величеством в экипаже по незнакомой дороге, которая вела к дворцу эрцгерцога Райнера. Мы проехали мимо большого строившегося здания, находившегося от нас на большом расстоянии.

– Интересно, что это за строение? – поинтересовался император.

Я ответил, что это новое здание муниципального торгового училища.

– Откуда вам это известно? – спросил он.

– Это написано на вывеске, прикрепленной к решетке балкона, – ответил я.

Его величество попросил извозчика подъехать поближе, чтобы прочитать надпись. Затем он приказал двигаться дальше.

– Ну и зрение у вас, – сказал он мне.

Я почувствовал сожаление, что так поступил. Мне не хотелось, даже в самом малом, превзойти его.

Охотиться на серн в Бад-Ишле мы обычно отправлялись ранним утром дважды в неделю. Мы ехали к месту охоты в экипаже, запряженном двумя великолепными липицианскими

---

²² Гора Китран 1524 м.

лошадьми. Затем мы пересаживались на пони, чтобы добраться до охотничьего укрытия. В течение сотен лет велся учет подстреленной дичи для каждого из них. Было укрытие номер 1, предназначенное для императора; и отдельные – для гостей, в соответствии с их общественным статусом.

Большинство диких животных, если их вспугнуть, будут бежать, пока не найдут для себя убежища. Что касается серн, то никогда не знаешь, как они себя поведут. Поэтому важно правильно определить момент для выстрела. Его величество предпочитал стрелять в них, когда они бросались бежать от погони. Когда охота заканчивалась, он начинал расспрашивать ее участников, какие звери им повстречались и скольких удалось застрелить. Горе было тому, кто путался в ответе.

Во время одной из таких охот граф Паар услышал выстрел, сделанный из соседнего укрытия; он догадался, что стрелял эрцгерцог Тосканский. Перед ним на расстоянии ста метров возвышался гребень холма; прошло несколько минут, и над ним появилась голова серны и сразу же исчезла. Граф Паар подумал, что это самец, и выстрелил. Почти сразу же выстрелил эрцгерцог, и вновь возникла голова серны почти на том же месте, и снова граф Паар нажал на спусковой крючок. Все повторилось и на третий раз. Граф Паар понятия не имел, в кого он попал, да и попал ли, он был в этом не уверен. Егерь, приставленный к нему, предложил пойти и посмотреть. Конечно, существовало правило, которое строжайше запрещало покидать укрытие, но любопытство взяло верх. Егерь вернулся, крайне расстроенный, и сообщил: «Три детеныша, ваше Превосходительство».

Граф Паар был в отчаянии, но отверг предложение егеря немедленно их закопать. Когда охота завершилась, он отправился с виноватым видом дать отчет. В это время его величество с возмущением выслушивал объяснения эрцгерцога. Когда граф подошел ближе, он услышал, что эрцгерцог пытается оправдаться, поскольку убил трех самок, у которых было потомство. Граф Паар сказал, что он прикончил трех осиротевших детенышей, и император одобрил его действия.

Как-то днем мы поднялись поохотиться на вершину Янсен. Пока императрица была жива, она была против того, чтобы охотиться в этих местах, и даже после ее кончины его величество никогда не нарушал запрета. Однако в этот раз он разрешил охоту в этой части парка, потому что расплодилось много дичи, что наносило парку урон. Когда мы заняли место в экипаже, его величество сказал мне: «У вас сегодня будет шанс подстрелить оленя».

Мне досталось очень неудобное укрытие. Передо мной простиралось открытое пространство, а там, где оно заканчивалось, громоздились скалы, высотой в сотни метров. Еще выше был лес, где находились загонщики. Дневной свет был неярким. Прямо мне в глаза светило солнце, а я прицеливался в сторону темного леса. Раздался хруст ветки, и я увидел двух оленей, бежавших друг за другом. Я выстрелил в первого, потом – во второго. Они промчались мимо, и я подумал, что попал в деревья.

Я подошел к тому месту, где пробежали олени, и увидел кровавый след. Вскоре я набрел на одного мертвого оленя, но второго так и не обнаружил. Вернувшись, я застал своих домашних и нескольких егерей, которые рассматривали второго павшего оленя, который смог пробежать еще большее расстояние, чем первый. Это был самый великолепный олень, когда-либо застреленный мной в Австрии.

В конце апреля был открыт сезон охоты на глухарей. Его величество в последний раз принимал участие в охоте, когда ему было семьдесят восемь. Прицелившись в птицу, он снял ее с первого выстрела и сказал: «Это занятие уже не по мне». Но хотя он и отказался от охоты, он по-прежнему интересовался трофеями гостей. Каждое утро егерь должен был сообщать телеграммой количество пернатой дичи, подстреленной его гостями. Неудачная охота всегда приводила в раздражение его величество. По этой причине повсюду со мной была 6,5-мм вин-

товка Манлихера—Шенауэра и патроны с металлическими гильзами, хотя охотники пользовались обычно дробовиками.

Большинство гостей отправлялось в Нойберг возле замка Мюрцштег, так как там было изобилие глухарей. Я обычно выбирал охотничий домик у Айзенерца или в Радмере. Однако в первый раз я принимал участие в охоте на глухарей в Хифлау. В приюте меня встретил бородатый старик-егерь по имени Лойдль, и вместе с ним я направился к небольшому охотничьему домику поблизости от токовища. Как я уже сказал, эта охота была для меня первой, хотя я не сказал об этом Лойдлю, я не хотел выглядеть новичком. Конечно, я внимательно выслушал все его объяснения, как с первым лучом утренней зари самец заводит свою брачную песнь, сидя на верхних ветках лиственницы или сосны. Как он теряет осторожность и не слышит, что вы к нему приближаетесь.

Мы вышли в 4 часа утра, когда еще было темно. Лойдль шел впереди с фонарем. Минут через десять мы остановились и потушили фонарь. Егерь внимательно прислушался и шепнул мне: «Вы его слышите?» Мой ответ был – нет. Спустя несколько минут он спросил снова: «Вы все еще не слышите его?» И опять я ничего не услышал, но, по правде сказать, я не понимал, к чему мне следует прислушиваться. Тогда Лойдль сказал: «Мы идем за ним». И сделал два-три шага. Но к этому времени я услышал глухаря, различив три колена его песни. Я почему-то решил, что я знаю, как нужно поступить, лучше, чем егерь, занимавшийся этим сорок лет, и ринулся вперед. Когда канарейка поет в комнате, поневоле приходится затыкать уши. Принимая во внимание размер птицы, за которой мы охотились, я вообразил, что она находится от нас в нескольких сотнях шагов, но как же я сильно ошибался. Мы были на гребне холма, глухарь сидел на высокой лиственнице, росшей на склоне холма немного ниже нас. Неожиданно я увидел глухаря на уровне своих глаз на расстоянии в 30 м. Я резко остановился, но глухарь заметил меня и, вытянув шею, взлетел вверх. Лойдль с упреком сказал: «Ну, все, ищи ветра в поле!»

Мне было очень стыдно. Но глухарь вновь начал токовать. И мы опять осторожно пошли вперед. В этот раз я держался строго за Лойдлем, и наконец мы заметили птицу. Она была далеко от нас, и мы не могли к ней приблизиться – перед нами была открытая просека. Но, послушав опять-таки совета егеря, я выстрелил; и на этот раз, к счастью, попал, восстановив его доверие ко мне.

Приблизительно в первой половине сентября мы обычно возвращались в Шёнбрунн и готовились к зимнему сезону с его театрами и концертами, балами и приемами. Я хорошо помню, как блистательный Карузо исполнял партию дона Хозе в «Кармен». Возможно, потому, что мы ожидали услышать мощный голос, а у певца был мягкий лирический тенор, зал ответил редкими аплодисментами. Но во втором акте его совершенная и проникновенная манера исполнения вызвала бурю оваций и крики «Браво!». Подобного я прежде не слышал. Карузо долго упрашивали встать с колен, но он не хотел этого делать, чтобы выразить свою признательность зрителям.

В Вене мы наслаждались лучшей музыкой, классической и не только. Среди последней я имею в виду прежде всего оперетты Франца Легара. За его успехами я следил с большим интересом, так как он в течение трех лет был капельмейстером оркестра военно-морского флота. Во время моей холостяцкой жизни в Пуле он часто навещал меня, чтобы сыграть свои произведения или аккомпанировать моему пению. Я помню о тех больших надеждах, что он возлагал на свою первую оперу «Кукушка». Он испытал разочарование, так как порыв к сочинительству не встретил понимания со стороны его начальства, и он был смещен со своей должности. Премьера его первого произведения закончилась провалом. Оба этих события были предвестниками удачной карьеры музыканта. Теперь Франц Легар мог полностью посвятить себя творчеству. Его талант раскрылся в опереттах, сделавших его известным всему миру. Мы часто встречались с ним в Бад-Ишле, где он купил себе виллу на берегу Трауна. Там он был по-насто-

ящему счастлив. Легар приобрел виллу со всей обстановкой, и на ее приобретение частично пошли деньги, которые он выручил от продажи обнаруженных на чердаке старинных картин и гравюр. В память о старых днях Легар посвятил мне замечательный парадный марш.

Вена была известна не только оперой, но и своим театром. Я видел игру актера Йозефа Кайнца и, конечно, Вильбранд-Баудиус, игравшей на сцене Императорского театра в возрасте 90 лет. У нас также была возможность посещать известные музеи города.

Это был довольно редкий случай, когда морской офицер имел возможность быть постоянно рядом с семьей и жить в таких прекрасных условиях. Мы наняли гувернантку для наших четырех детей. Их учили, как того требовала венгерская образовательная система. С ними занимались братья-августинцы, которые были кандидатами в епископы. Один из них, магистр Луттор, много лет работал в нашей миссии в Ватикане; второй, Чапик, стал архиепископом Эгера. В конце учебного года мы взяли наших детей в Пресбург (Братиславу), где они сдали экзамены и получили об этом свидетельство.

После нашего возвращения я встретился с генералом графом Лоньyai, командиром венгерской лейб-гвардии, который начал расспрашивать меня о моей семье. Меня переполняла отцовская гордость, когда я рассказал ему об отличных результатах пресбургских экзаменов.

«Да, мне это известно, – сказал он. – Эти первые экзамены заставляют задуматься, какое будущее ждет молодого гения. Пост министра иностранных дел? Возможно, что-либо более серьезное? И потом он поступает в среднюю школу, и вы идете к директору и спрашиваете: „Скажите мне честно, мой ребенок идиот?“ И получаете ответ: „Ну что вы. Дела обстоят не так плохо...“»

Граф Паар был известен как мастерский рассказчик различных историй и анекдотов. С ним время пролетало незаметно, когда мы приходили на службу рано утром, и нужно было ждать, когда часы пробьют девять. Каждый раз он начинал почти с одной и той же фразы: «Разве я вам об этом не рассказывал?» И я так же неизменно отвечал: «Нет, я об этом не слышал». Так бывает со стариками, что приходится выслушивать их истории по множеству раз. Многие из них запомнились мне дословно, и я могу пересказать их и сейчас. Как, например, историю о визите его величества в Париж после того, как император Наполеон III посетил нашу страну. Был устроен торжественный парад, который возглавлял представительный генерал. Когда солдаты проходили перед нашим императором, стоявшим рядом с императрицей Евгенией, они проорали в тысячу глоток: «Да здравствует император!» Конь генерала встал на дыбы, и наездник, держа саблю в вытянутой руке, вылетел из седла и, описав в воздухе окружность, упал на землю. Возмущенный и одновременно готовый рассмеяться Наполеон III обратился к Паару: «Теперь императрица подарит ему нового коня, ведь она думает, что все дело в нем. Но вы увидите, что он упадет снова опять в то же самое время и на том же самом месте».

В Венгрии не было принято подобным образом встречать императора. Я слышал похожее приветствие в Турции. Когда перед войсками появлялся султан, раздавалось громкое «Чокьяша падишах!», что можно было перевести как «Да здравствует правитель!».

Часто граф пересказывал историю о том, как один представитель аристократического правящего рода из Южной Германии был назначен командиром 12-го гусарского полка в Клагенфурте. Как только он нашел подходящую для проживания виллу в окрестностях, то послал за своей женой и всем домашним хозяйством. Вскоре после переезда старший офицер полка приказал юному венгерскому лейтенанту отправиться на виллу и узнать, когда для герцогини будет удобно принять полковых офицеров. В холле виллы высились груды багажа, а рядом с дверью распаковывала чемоданы какая-то молодая дама. Лейтенант не смог устоять перед искушением и звонко шлепнул женщину чуть ниже спины, приняв ее за горничную. Когда она резко выпрямилась, он нежно взял ее за подбородок и спросил, где он может найти его высочество. Рассмеявшись на подобное несколько невежливое поведение, она посоветовала ему подняться на второй этаж и постучать в первую дверь. Лейтенант выполнил свою мис-

сию, и на следующее утро на 11 часов был назначен прием. Когда офицеры выстроились в порядке старшинства и герцогиня и ее муж вошли в приемную залу, лейтенант сразу же, к своему ужасу, узнал в даме очаровательную горничную. Офицеры представлялись один за другим, и для каждого его высочество находил приветственное слово. Когда пришла очередь лейтенанта, герцогиня сказала: «Мне кажется, что мы уже где-то встречались прежде». На что лейтенант, полностью растерявшись и в страшном смущении, только и смог пробормотать: «Увы, ваша светлость!»

Граф Паар мог многое рассказать о больших торжествах, которые проходили в Вене в 1908 г. по случаю жемчужной свадьбы его величества. Это было еще до того, как я начал служить. Каких только событий не произошло за эти шестьдесят лет! «Судьба не щадит меня», — произнес его величество, когда получил страшное известие об убийстве императрицы. Его брат император Мексики Максимилиан предстал перед военным судом мексиканских революционеров и был расстрелян по его приговору. Единственный сын Франца-Иосифа, умнейший кронпринц Рудольф, на которого были возложены все надежды императора, расстался с жизнью при трагических обстоятельствах. Жена Франца-Иосифа императрица и королева Елизавета, к которой венгерский народ относился с глубоким почтением и любовью, была убита итальянским анархистом в Женеве, и та же самая судьба постигла племянника эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника трона, в Сараево. Франца-Иосифа по-прежнему мучили воспоминания о казни тринадцати венгерских генералов в Араде в 1849 г. в конце Освободительной войны, хотя в этом и не было его вины. Тогда ему исполнилось всего 18 лет, и он находился в руках правящей камарилы. Потери, понесенные австрийской армией при Кёниггреце²³, тяжело сказались на Франце-Иосифе, и его самым страстным желанием стало никогда больше не допустить новой войны. Но и этот горький опыт ему еще придется испытать.

В трагические часы его жизни его величество искал и находил утешение в глубокой вере. Он полагал, что власть над людьми ему вручил сам Бог, и он выполнял свои обязанности с присущим ему чувством долга, которому он подчинил свои личные желания. Предельно скрупулезный во всем — красное сукно своего письменного стола он обыкновенно чистил кистью каждый вечер, — простой и скромный в личной жизни, он рассматривал строгий этикет испанского двора не как вещь в себе, но необходимое условие для формирования традиции. Поддерживать и укреплять ее было более важным делом для многонациональной габсбургской монархии, чем для других стран. Доброе сердце и обходительность были основными чертами его характера. Обладая большим жизненным опытом и мудростью, он был убежден, что государственное управление должно основываться на праведности.

Когда 18 августа 1910 г. его величество праздновал свое 80-летие, находясь в полной памяти и здравии, охотники Австрии открыли в его честь бронзовый памятник. Статуя имела поразительное портретное сходство; император был представлен в традиционном охотничьем костюме, в кожаных шортах, с ружьем за плечами и альпенштоком в руке, стоявшим на скале. У его ног лежал благородный олень, голова которого была украшена ветвистыми рогами. Именно такого оленя его величество подстрелил неподалеку от посвященного ему памятника. Все приглашенные на церемонию открытия были одеты в охотничьи костюмы. Граф Вурмбрандт зачитал торжественный адрес, и все собравшиеся были глубоко тронуты, когда мужской хор, приехавший из Вены, спел национальный гимн: «*Gott erhalte, Gott beschutze unsern Kaiser, unser Land*» («Боже сохрани, Боже защити нашего императора и нашу страну»).

В 1912 г. его величество отправился с длительным визитом в Будапешт, где происходила встреча делегаций австрийского и венгерского парламентов для принятия годового бюджета.

²³ Имеется в виду битва при Садове в Чехии 3 июля 1866 г., где австро-саксонская армия (215 тыс. человек, 770 орудий) была разбита пруссаками (224 тыс. человек, 924 орудия). Австро-саксонцы потеряли около 18 тыс. пленными, пруссаки — 9,2 тыс. В этой битве был решен исход австро-прусской войны 1866 г.

Солнечным днем мы ехали в открытом экипаже с Западного вокзала к королевскому дворцу. «Новые времена» проявлялись в том, что массы рабочих под руководством Социал-демократической партии участвовали в демонстрации против венгерского премьер-министра графа Тисы. Демонстрация тем более заслуживала осуждения по причине того, что шла Балканская война и на границе Габсбургской империи происходили опасные инциденты. Делегации, которые должны были проголосовать за увеличение ассигнований на военные расходы, необходимые для укрепления армии, встретились в своей работе с большими трудностями из-за необъяснимой близорукости многих депутатов, о чем они горько сожалели в последующие годы.

После нашего возвращения в Вену военно-морской флот был приведен в состояние боевой готовности на случай, если опасность будет угрожать нашим границам. Я получил приказ оставить двор и принять командование над «Будапештом»²⁴. Снова полной грудью вдохнуть морской воздух, почувствовать под ногами палубу, очутиться среди старых друзей – все это сильно радовало меня. Вскоре опасность миновала, потребность в проведении операций на море отпала, и я вернулся в Вену.

В результате двух Балканских войн Турция практически была вытеснена из Европы. Вся территория, что оставалась под ее господством, располагалась между Адрианополем и проливами. Греция значительно продвинула свою границу в северном направлении и получила Салоники. Площадь Королевства Сербии увеличилась, что побудило сербов выдвинуть новые требования. Болгария была вынуждена выплатить контрибуцию; страна попыталась во Второй Балканской войне с помощью оружия ревизовать несправедливое, по ее мнению, территориальное урегулирование, навязанное великими державами, но была разбита. Черногория осталась независимой. Было создано новое государство Албания, на ее трон европейские державы посадили князя Вильгельма Вида. На балканские события в Будапеште и Вене смотрели по-разному. Премьер граф Тиса придерживался мнения, что признание изменений границ, наступивших в результате войн, должно соотноситься с интересами Венгрии, которая должна помочь народам Балканского полуострова в их войне за независимость.

Срок службы в адъютантах был продлен, так что годы, предшествовавшие Первой мировой войне, я провел в Вене.

---

²⁴ Броненосец водоизмещением 5785 т. Вооружение: 4 240-мм орудия в двух башнях, 6 150-мм, 1 70-мм, 14 47-мм торпедных аппарата. Скорость до 17,8 узла (33 км/ч). Экипаж 423 человека. Вошел в состав флота в 1888 г.

Глава 4

Эрцгерцог Франц-Фердинанд

В мои намерения не входит подробное описание повседневной жизни наследника трона. Я ограничусь лишь теми сведениями, что я узнал о нем во время моей службы при дворе, и тем, что слышал о нем от других.

Франц-Фердинанд в 12 лет унаследовал большое состояние и титул д'Эсте от представителя боковой ветви Габсбургского дома герцога Моденского. Франц был старшим сыном эрцгерцога Карла-Людвига, единственного брата императора Франца-Иосифа, имевшего потомство. Император Мексики эрцгерцог Максимилиан был убит, эрцгерцог Людвиг-Виктор остался холостяком. Матерью наследника трона была принцесса Мария-Аннунциата, дочь Фердинанда II, короля Обеих Сицилий из династии Бурбонов. В октябре 1862 г. в капелле Императорского дворца в Венеции состоялось бракосочетание австрийского эрцгерцога Карла-Людвига и Марии. Эрцгерцогиня была красивой женщиной, но она страдала туберкулезом. Ее неизлечимая болезнь буквально подрезала крылья ее честолюбивым устремлениям. Она мечтала о сыне, который однажды занял бы императорский трон. Когда в 1863 г. родился Франц-Фердинанд, врачи считали, что он не выживет. Благодаря внимательному уходу и длительному пребыванию в замке Вартхолц у подножия горного массива Ракс в австрийских Альпах, болезненный подросток вырос здоровым, крепким юношей.

Вопреки предостережениям врачей, эрцгерцогиня родила еще троих детей – двух мальчиков, Отто и Фердинанда, и девочку Маргарет. Прожив девять лет в замужестве, Мария умерла в 28-летнем возрасте. Она прекрасно понимала всю опасность своего заболевания и распорядилась не допускать к ней детей. Недостаток материнской любви в какой-то мере восполнила мачеха, инфанта Португалии Мария-Тереза из древнего рода Браганса. Новая восемнадцатилетняя жена Карла-Людвига приняла участие в воспитании Франца, который испытывал вполне понятное ревнивое чувство к младшему брату, веселому здоровяку, всеми любимому «прекрасному Отто». Взаимоотношения Франца и мачехи были, однако, очень близкими.

В возрасте 14 лет эрцгерцог получил звание секунд-лейтенант, но это никак не сказалось на его образе жизни. Только после присвоения звания первый лейтенант он покинул родной дом и был отправлен в Энс в драгунский полк. Условия проживания там были для него непривычны, и отношения с офицерами-сослуживцами не сложились. Его производство в майоры в 1888 г. и перевод в Прагу в 102-й пехотный полк стали для него истинным облегчением. Он надеялся вести жизнь, отличную от той, что была его уделом в скучном городке Энс. Франц квартировал на Градчанах, и он стремился насладиться музыкой и светской жизнью, проводить время в компании друзей, как и остальные офицеры. Но ему вновь не повезло. Присутствие Франца в обществе скрывало всех. 30 января 1889 г., возвратившись со службы домой, он был потрясен новостью о смерти кронпринца Рудольфа в Майерлинке, произошедшей при таинственных обстоятельствах²⁵. Мечты матери о его карьере были, казалось, близки к осуществлению. Ведь смерть Рудольфа означала, что следующим претендентом на трон Австро-Венгрии становился отец Франца. Однако, принимая во внимание его преклонный возраст, было понятно, что в качестве наследника может теперь рассматриваться сам Франц-Фердинанд.

Франц-Фердинанд был молодым человеком с сильным и энергичным характером, умным и глубоко религиозным. Однако он был легко возбуждающейся личностью. Был человеком замкнутым, имевшим всего лишь несколько друзей. Окружавшие его люди почти ничего не

---

²⁵ Совместное (с одной из своих любовниц) самоубийство.

знали о нем. Франц намеревался подготовить себя к будущему высокому положению, что требовало серьезных познаний в политических науках и необходимости овладения различными языками многонациональной империи. Эрцгерцог полагал, что ему следует посмотреть мир, и он решил отправиться в длительное морское плавание, которое к тому же положительно скажется на его здоровье. Но такое путешествие требовало тщательной подготовительной работы дипломатов, даже если бы наследник австро-венгерского престола ехал инкогнито как граф Гогенберг. Фельдъегерям в ту далекую эпоху приходилось тратить много времени, чтобы добраться в ту или иную отдаленную страну мира и вернуться с ответом обратно. Более того, было необходимо уговорить дать свое согласие его величество. Этого удалось добиться благодаря посредничеству императрицы Елизаветы. 15 декабря 1892 г. Франц-Фердинанд вышел из Триеста на бронепалубном крейсере «Императрица Елизавета»²⁶.

Эрцгерцог Леопольд, мой сокурсник в Военно-морской академии, с которым я сохранил самые дружеские отношения, просил меня присоединиться к экспедиции, объяснив, что он сам примет в ней участие лейтенантом. Я отказался и даже посоветовал ему никуда не ездить, поскольку два эрцгерцога были столь различны по характеру, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. События подтвердили мою правоту. Они окончательно рассорились, и в Сиднее эрцгерцогу Леопольду пришлось покинуть корабль и одному вернуться в Европу. Он был уволен с флота и переведен в пехотный полк в Брюнн (Брно). Впоследствии в результате брака с незнатной женщиной он лишился титула и эмигрировал в Швейцарию, где жил под именем Леопольд Вёльфлинг, и скончался там после Первой мировой войны.

Для членов королевской семьи Британии путешествие по миру и визиты в отдаленные области империи – обычное дело. Но какая другая страна когда-либо посылала наследника трона в кругосветное плавание?²⁷ В обратный путь из Йокогамы он отправился на океанском лайнере и посетил Соединенные Штаты. Это было явным свидетельством того, что Австро-Венгрия, позволив наследнику увидеть мир, доказала, что она не является столь закрытой страной, как ее иногда представляли.

Эрцгерцог, вернувшись из плавания, несомненно, проникся симпатией к военно-морскому флоту страны. Это сблизило его с кайзером Вильгельмом II, который настаивал на том, чтобы Австро-Венгрия совершенствовала свой флот. Подобные требования не находили понимания у обоих парламентов Австро-Венгрии. Они чинили всевозможные препятствия, проявляя хорошо мне знакомую недалекость.

Когда Франц-Фердинанд вернулся, вопрос о его женитьбе стал первостепенным, и его величество был даже готов пойти на то, чтобы наследник вступил в брачный союз с представительницей какой-либо не католической династии. Однако эрцгерцог последовал его совету совсем необычным образом. Он страстно влюбился в чешскую графиню Софию Хотек, которую он встретил на балу у штатгальтера, представителя императора в Праге. Об этой его связи никто не знал. Франц был частым гостем в доме эрцгерцога Фридриха Тешинского (фон Тешен) в Пресбурге (ныне Братислава). Предполагали, что его выбор падет на одну из семи дочерей эрцгерцога, пока совершенно случайно не обнаружилось, что магнитом, притягивавшим к себе Франца-Фердинанда, была фрейлина эрцгерцогини София Хотек. Время шло, но его страстная влюбленность не проходила. Ничто не могло поколебать принятого им твердого решения жениться на графине, хотя он прекрасно знал, что согласно династическим законам

²⁶ Водоизмещение 4494 т, скорость 19 узлов, экипаж 367 человек. Вооружение: 2 240-мм, 6 150-мм, 3 37-мм орудия, 4 400-мм торпедных аппарата. Вступил в строй в 1892 г.

²⁷ В 1890–1891 гг. цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, совершил не кругосветное, но весьма протяженное путешествие (51 тыс. км, в том числе 15 тыс. км по железным дорогам и 22 тыс. км по морю) по маршруту Петербург—Вена—Триест—Пирей—Порт-Саид (здесь путешествие вверх по Нилу до Асуана) – Суэцкий канал – Аден – Бомбей (здесь путешествие по Индии) – Коломбо – Сингапур – о. Ява – Бангкок – Нанкин (экскурсии в Китае) – Нагасаки – Кобе и Киото – Владивосток – путешествие по суше, по рекам и поездом по России до Петербурга.

женитьба на женщине, неравной ему по рождению, лишает его права на трон и что его жена никогда не станет членом императорской семьи. Самым твердым сторонником закона о престолонаследии был главный камергер князь Монтенуово, который сам принадлежал к императорскому дому и потому имел большое влияние при дворе. Он был племянником эрцгерцогини Марии-Луизы, которая после первого брака с Наполеоном вышла замуж за графа Нейпперга.

Вена полнилась слухами, все говорили об отчаянии императора, не понимавшего упорства своего племянника. В обществе сложились две партии; одна из них критиковала «устаревшие династические законы», другая – наследника трона. Но в итоге после стольких переживаний император смягчился. Тем более что речь шла о сердечных делах. Он попросил дать ему один год для принятия окончательного решения и одновременно призвал исповедника императорской семьи епископа Маршала сделать все возможное, чтобы эрцгерцог отказался от своего намерения.

Все было напрасно. Франц-Фердинанд был готов скорее отказаться от трона, чем от своего счастья. Напрасна была попытка заставить графиню, которая удалилась в монастырь ждать окончательного решения императора, отказаться от брака с эрцгерцогом и постричься в монахини. Она оставалась непреклонной и отвергла заверения епископа, что его величество и папа римский будут вечно благодарны графине за принесенную ею жертву.

Прошел год, и все ожидали, что скажет его величество. После того как он посоветовался с представителями аристократии, которые поддерживали его решение, он вызвал Франца-Фердинанда и сообщил, что ему дозволяется заключить морганатический брак с сохранением его права на трон. Однако его жена и дети не будут приняты в императорскую семью. Наследником, таким образом, становился эрцгерцог Карл, первенец младшего брата Франца-Фердинанда, эрцгерцога Отто.

Эрцгерцог Франц-Фердинанд заявил, что он согласен с предложенными ему условиями. 28 июня 1900 г. настал судьбоносный день: в этот же день через 14 лет произойдет убийство в Сараево. Франц-Фердинанд принес торжественную клятву. В палате Тайного совета, расположенной в императорском дворце, собрались эрцгерцог, высшие сановники и спикеры нижней и верхней палат. Его величество стоял перед троном; примас Австрии и архиепископ венский протянул Евангелие эрцгерцогу, который, возложив на него свою руку, прочитал торжественную клятву, текст ему вручил примас Венгрии. Заключительное предложение звучало так: «Да не отречемся от этой декларации и не предпримем ничего, что могло бы ослабить или лишить связующей ее силы».

После того как его величество покинул палату, две свечи, между которыми стояло известное распятие императора Фердинанда II, были погашены. На протяжении столетий, согласно обычаю, члены Габсбургской фамилии каждый раз приносят перед ним свою клятву.

Вскоре после этого в часовне замка Райхштадт в Богемии (Чехии) состоялось торжество бракосочетания. Супруге эрцгерцога была вручена поздравительная телеграмма от его величества, адресованная как княгине Гогенберг.

Однако даже титул княгини, пожалованный бывшей графине, не помог ей занять подобающее место при дворе. На всех официальных мероприятиях, к примеру на балах, были установлены строгие правила старшинства, согласно которым супружеские пары проходили в строгой последовательности под наблюдением главного камергера двора; и каждый раз София шла отдельно от мужа. Герцогиня должна была по мановению руки гофмейстера идти после членов различных императорских семейств и сопровождавших их фрейлин. Однажды придворный бал пришлось отменить, так как несколько знатных дам заявили о том, что они не намерены на нем присутствовать, поскольку не был определен принцип старшинства его участников. Со временем эрцгерцог предпочел проводить предпраздничные дни со своей женой вдали от Вены, пока его величество в 1910 г. не пожаловал княгине титул ее высочество княгиня Гогенберг. Теперь на балу она могла следовать сразу же за самой младшей эрцгерцогиней.

Император, главнокомандующий вооруженными силами, назначил эрцгерцога Франца-Фердинанда, который имел чин адмирала, своим заместителем. Следуя советам начальника Генштаба Конрада фон Хётцендорфа (Гётцендорфа), эрцгерцог стал оказывать большое влияние на военные дела, но ему трудно было проявить себя в области политики. Его величество, несмотря на возраст, был не из тех людей, кто подчиняется внешнему давлению, даже если в роли просителей были его близкие родственники. Он внимательно выслушивал то, что предлагали его советники, однако, и это было понятно само собой, занимая трон в течение более 60 лет, он предпочитал ничего не менять, насколько это было возможно, в государственном управлении. Было хорошо известно, что у наследника трона по отдельным вопросам были совершенно иные взгляды, чем у его дяди. Становилось все более ясным, что эрцгерцог не одобрял австро-венгерский дуализм. Франц-Фердинанд имел план реорганизации империи на основе принципа триализма и на федеративных началах. В этом пункте своего плана он вступил в конфликт с Венгрией, который выразился в его личной нелюбви к венгерской аристократии. Возможно, в этом проявилось влияние семьи его жены и ближайшего окружения. Были и другие причины, о которых ходили различные слухи.

Даже когда он командовал 9-м гусарским полком в Шопроне, эрцгерцог оказался втянутым в конфликт интересов, когда он пожаловался полковнику, что все его подчиненные говорят на венгерском. Полковник ответил, что офицеры, конечно, не будут говорить на нем в присутствии людей, не понимающих этого языка, но что в своей среде, естественно, они будут продолжать пользоваться родным языком.

Было общеизвестным фактом, что эрцгерцог часто встречался с лидерами национальных меньшинств в будапештском парламенте, в частности со словаком М. Ходжа и румынами Александру Вайда-Войводом и Юлиу Маниу.

В официальной обстановке мне редко доводилось встречаться с эрцгерцогом. Что касается светского общения, мы встречались с ним и его женой достаточно часто. Нас занимали проблемы флота, которые были в центре наших интересов. Но мы никогда не затрагивали политических вопросов.

Эрцгерцог намеревался создать конфедерацию южнославянских государств, которая объединила бы Словению и Далмацию, принадлежавшие Австрии; Хорватию, землю венгерской короны; и коронные земли Боснии-Герцеговины. Этот план встретил яростное сопротивление сербских националистов, которые надеялись добиться для своей страны выхода к морю и образовать государство южных славян со столицей в Белграде. Если бы план наследника престола осуществился, то на Югославию обратились бы взоры всех сербов, поскольку она давала им неоспоримые экономические и политические преимущества. И об этом проницательному сербскому премьер-министру Пашичу было прекрасно известно, так же как и в Санкт-Петербурге. Тайная организация сербских националистов «Црна рука» («Черная рука») подготовила покушение в Сараево, обрушив лавину, которая погребла под собой наследника трона в качестве первой жертвы на своем гибельном пути.

28 июня 1914 г. мы с нашими детьми отправились в машине из Вены в Секешфехервар в гости к брату, который командовал 13-м гусарским полком в этом городе. Нас встретили брат с женой, оба выглядели удрученно. На наш вопрос, что случилось, они ответили, что один их друг журналист только что сообщил им, что эрцгерцог и его жена убиты в Сараево.

Сначала мы отказывались поверить в это. У нас не укладывалось в голове, почему по случаю официального визита наследника трона не были предприняты надлежащие меры безопасности, чтобы предотвратить возможную попытку покушения. Мне было непонятно, почему эрцгерцог Франц-Фердинанд приехал с визитом именно в сербский национальный праздник Видовдан, день памяти битвы на Косовом поле в 1389 г. От сербов можно было ожидать, что они отреагируют на это особенно обостренно.

Вскоре то, что мы посчитали слухом, подтвердилось. Мы поняли, что это политическое убийство и оно будет иметь роковые последствия для всего мира.

Убийство в Сараево было не раз описано во всех подробностях. Эрцгерцог пал жертвой своего благородства и самоотверженности, он даже не задумывался о каких-то мерах предосторожности. Когда машины приблизились к ратуше, в них была брошена бомба, которая тяжело ранила адъютанта эрцгерцога. После встречи в ратуше эрцгерцог намеревался поехать в госпиталь, чтобы навестить раненого. Машина начала медленно сворачивать в переулок, где не была выставлена охрана, как на главной улице, и тут внезапно появился гимназист Гаврило Принцип, который два раза выстрелил в эрцгерцога из пистолета. Одна пуля смертельно ранила жену, вторая досталась эрцгерцогу. Оба были перевезены в Конак, резиденцию генерала Оскара Потioreка, наместника Боснии и Герцеговины. Эрцгерцог вскоре скончался, не приходя в сознание.

Эти два выстрела молодого фанатика завершили целую эпоху, о которой мы, кто жил в то время, могли сказать словами «Талейрана»: те, которые ничего не знали о Французской революции, не знали жизни. Те два выстрела в Сараево были первыми выстрелами Первой мировой войны, и мирное время, которого они нас лишили, не вернулось до сих пор.

Гаврило Принцип был несовершеннолетним и не мог быть приговорен к высшей мере. Он получил 20 лет заключения в крепости и скончался четыре года спустя от туберкулеза. Безрассудные действия юного убийцы привели к массовым человеческим жертвам, гекатомбы подобных масштабов мир еще не знал. После 1919 г. на месте убийства была открыта памятная доска.

Морякам было поручено выполнение печальной обязанности – доставить в Триест гробы с телами жертв, которые на поезде перевезли в Меткович. Их торжественно перенесли на борт флагманского корабля линкора «Вирибус Унитис»²⁸, стоявшего на якоре в устье Неретвы. Боевые корабли в кильватерной колонне шли вдоль берега, и люди обнажали головы; многие становились на колени и молились, а священники поминали почивших, когда корабли медленно проходили мимо.

В Вене в замковой часовне эрцгерцогу и супруге посмертно отпустили все их грехи, и останки перенесли в крипту замка Арцштеттен, построенную эрцгерцогом.

То, что Россия активно поддержит Сербию, вполне можно было ожидать! С русским посланником при сербском дворе фон Гартвигом, который, по слухам, был в курсе всех придворных интриг, случился смертельный сердечный приступ во время его визита с соболезнованиями к нашему дипломатическому представителю барону Гислю. Необходимость отмщения за убийство в Сараево была понятна всем. Возмущение заговором, который готовили сербы, вызвало единодушный ответ в Европе. Я продолжаю придерживаться мнения, что европейские державы могли бы предотвратить мировую войну. Если бы представители великих держав были приглашены в Вену на похороны, дипломатам было бы легче договориться и им бы мог сопутствовать успех. Изъявили желание приехать принц Уэльский и великий князь Николай Николаевич. Кайзер Вильгельм II объявил о своем намерении прибыть в Вену, его примеру готовы были последовать многие князья немецких государств. Однако князь Монтенуово придерживался строгих правил, запрещавших проведение королевских траурных церемоний в случае, если почивший состоял вmorganaticком браке. Формальной причиной был назван преклонный возраст суверена, и на каждое обращение с просьбой разрешить присутствовать на похоронах отвечали отказом.

---

²⁸ Вошел в состав флота в 1912 г. Водоизмещение 20 013 т нормальное, 21 595 т полное. Длина 152,2 м, ширина 27,3 м, осадка 8,9 м. Мощность двигателя 27 200 л. с. Скорость до 20,3 узла. Экипаж 1087 человек. Вооружение: 12 305-мм, 12 150-мм, 18 66-мм орудий, 4 подводных 533-мм торпедных аппарата, 20 мин.

23 июля барон Гисль вручил ультиматум Белграду. Два дня спустя Пашич дал ответ, который сочли неудовлетворительным. Когда барон Гисль по телефону сообщил графу Тисе в Будапешт о своем отъезде из Семлина (Земуна), приграничного города, находившегося на берегу реки Сава напротив Белграда²⁹, премьер-министр произнес: «Неужели этому суждено быть?»

Все дело было в том, что мы еще не знали, что готовит нам рок. После разрыва дипломатических отношений между Австро-Венгрией и Сербией его величество объявил частичную мобилизацию. Подобная мобилизация имела место в 1912 г., но Россия тогда не ответила тем же. В 1914 г. Россия объявила мобилизацию, то же самое сделала Германия.

27 июля, когда я все еще был в отпуске дома, я получил приказ явиться на службу и принять командование линейным кораблем; звание капитана я получил еще 1 ноября 1913 года. Счастливое время службы при дворе в должности адъютанта закончилось.

Я благодарен Провидению за то, что мне было дано провести пять лет в ближайшем окружении императора Франца-Иосифа I. То, о чем я тогда узнал и чему научился, позволило мне яснее понять свои обязанности, когда меня призвали стать во главе Венгрии. Это было назначение, о возможности которого я даже не предполагал. Пример самого благородного и добрейшего человека, которого я когда-либо встречал в своей жизни, всегда стоял передо мной на протяжении всех последних лет моей жизни. Весь тот ценный опыт, приобретенный мной в Вене, который выдержал испытание временем, я взял с собой в Венгрию.

---

²⁹ Ныне район Белграда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.